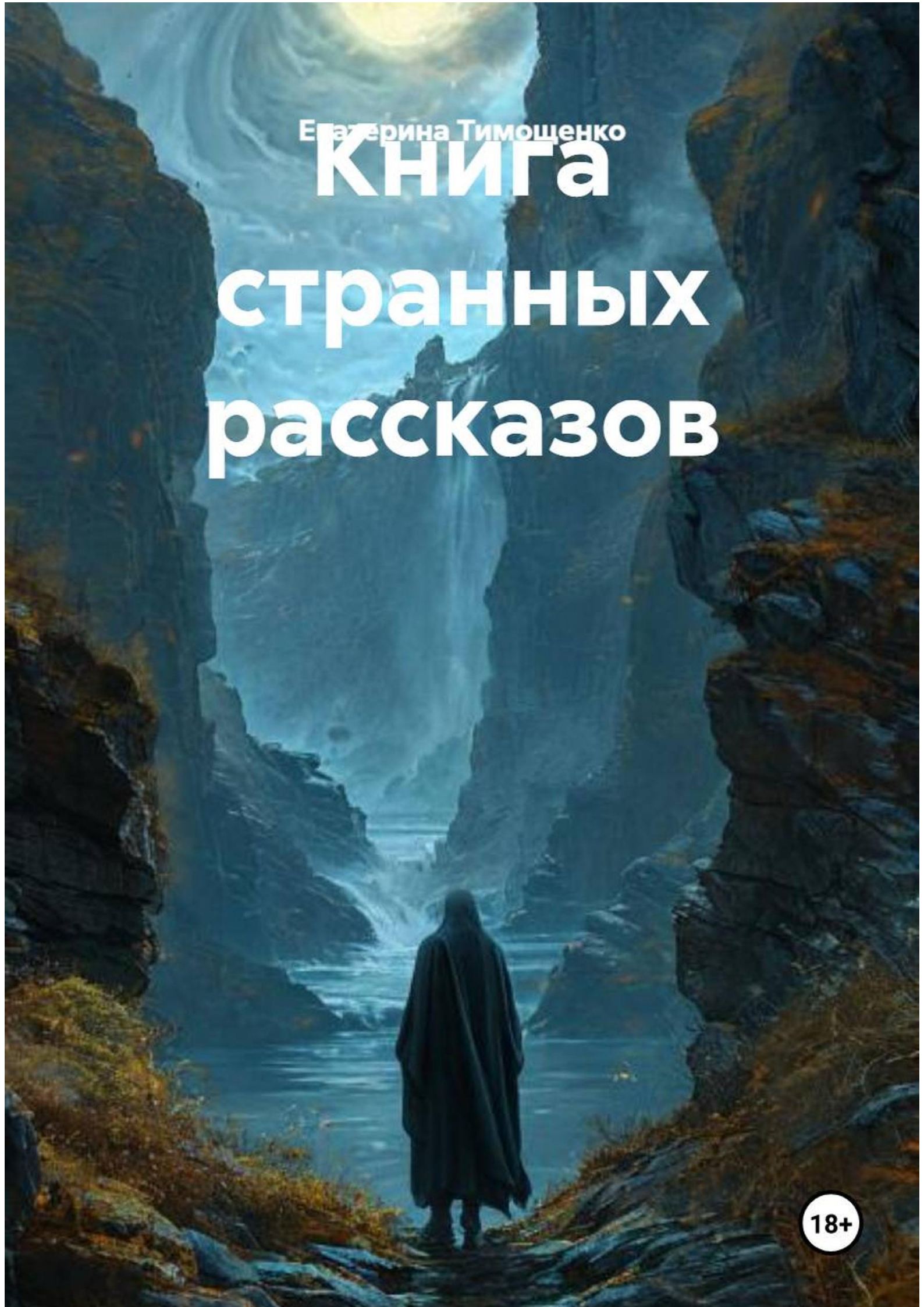

A full-page illustration of a person in a dark cloak standing on a rocky path, looking down a deep, misty canyon. A bright light source is visible at the top of the canyon, creating a dramatic, ethereal atmosphere. The text is overlaid on the upper half of the image.

Екатерина Тимошенко

Книга странных рассказов

18+

Екатерина Тимощенко

Книга странных рассказов

«Автор»

2026

Тимощенко Е.

Книга странных рассказов / Е. Тимощенко — «Автор», 2026

Нам часто говорят обращаться к свету, но что если попробовать понять и принять тьму в себе - это путь в бездну души или на новый уровень познания себя? Истории-прогулки по закоулкам внутреннего мира.

© Тимощенко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Плесень	5
Радость моя	10
Читай меня	13
Я тебя вижу	17
На счет 3	20
И Я	26
Маленький управляющий	29
Быть нами	32
Мое чудовище	36

Екатерина Тимощенко

Книга странных рассказов

Плесень

Она часто переезжала. И везде Ее преследовала одна и та же проблема. Плесень.

Поначалу Она думала, все дело в том, что квартира была в полуподвальном помещении, хотя до этого - владельцы клятвенно Ее уверяли - не было ни одного случая плесени. Затем, что в системе водопровода - труба делала сложный изгиб именно в районе ее комнаты. Потом... потом Она просто перестала искать причину. Она усвоила признаки, предшествующие нашему счастью этой гадости - ставшие темными углы, затхлый запах, усиливающийся ночью, и позже, проступающие как вены из-под тонкой бледной кожи штукатурки, щупальца, расползающиеся во все стороны. Она быстро паковала вещи и уезжала, не давая плесени подползти к Ней слишком близко. Дальше были поиски нового жилья. Всегда милые владельцы, свежие ремонты, хорошие районы... Но почему же вечно возникает эта плесень?!

Она перестала искать причину... но это было не совсем так. Может Она боялась ее узнать? Может, все дело было в Ней? Именно Она - источник плесени, именно Она несет в мир эту мерзость? А вдруг не только эту? Вдруг все Ее существование заточено подо что-то ужасное и мерзкое? Или же Она просто паразит в жизни других людей, от которого рано или поздно надо будет избавиться, пока Она не причинила вред?

Она снова переехала. Новая квартирка очень Ей приглянулась - небольшая, но очень уютная, с большими окнами, пропускающими по утрам в кухню и комнату тонны солнечного света. Ей казалось, что вот оно - место, в котором Ей будет хорошо. Новая работа, зачатки стабильности и даже новые друзья среди коллег. Она даже стала выбираться на прогулки и в кафе. Но вскоре все, как, собственно, и всегда, стало крошиться под натиском пока еще невидимых шупов.

Тяжелый день на работе, затем еще один - сплошная неделя авралов, срочных совещаний и бесконечных правок и критических замечаний. Она вваливалась в квартиру, еле волоча ноги, закидывала какую-нибудь замороженную дребедень в микроволновку и сворачивалась калачиком на диване. А на кухне так и стояла в подставке раскрытая на одном, давно примененном Ею рецепте, поваренная книга - Ее жалкая попытка внедрить что-то полезное и вкусное в свой рацион.

Все началось снова с того, что углы вокруг Нее по непонятной для окружающих, но не для Нее, причине стали темными, словно оттуда выкачали весь свет - даже если направить туда фонариком, он словно увязнет в тягучей тьме. Порой Ей казалось, что это некая тень следует за Ней по пятам из жилища в жилище и, как только видит, что Она освоилась на новом месте, тоже начинает распаковываться. Порой, что Она сама порождает эту темноту. У Нее была одна привычка, нет, необходимость. Когда в Ее голове рождалась очередная тревожная и пугающая мысль, Она мысленно отправляла ее в один из углов, активно моргая, словно заматавая туда. Могли ли Ее страхи начать материализовываться в нечто самостоятельное, но неразрывно связанное с Ней и переползающее следом?

Итак, углы снова потемнели. Скоро плесень должна проявиться: небольшим и быстро расширяющимся пятном, раскидывающим свои толстые в основании и тонкие на самых кончиках щупальца... тянущиеся к Ней... или просто стремящиеся опутать все вокруг?

Но в этот раз что-то изменилось. В этот раз плесень обладала какой-то особенной плотностью: еще невидимая, она уже явственно ощущалась в комнате - она словно подминала все под себя, давила, душила... А потом тени стали отделяться от стен в углах...

Сперва это были единичные случаи. Затем все чаще краем глаза Она замечала некоторое движение - с каждым разом все ближе. Тени словно ходили за Ней, заглядывали через плечо, следили...

Помимо общей затхлости в квартире стали неизвестно откуда и почему возникать неприятные запахи - от вони тухлого яйца Она прямо-таки сбежала как-то утром на работу, причем кофе Ей пришлось покупать по дороге и пить его набегу. Она не жила богато, но всегда очень опрятно, поэтому Ее вдвойне удручало и пугало, когда Она вдруг натыкалась на сбивающий с ног смрад двухнедельной селедки, пролежавшей на солнце в своей чистенькой ванной. Как ковбой Она вооружалась освежителями для воздуха и стреляла им во все стороны, но становилось только хуже - запахи смешивались, в помещении становилось просто невозможно находиться, Она открывала окна и двери настежь и ждала-ждала-ждала.

А еще был шепот. Его Она боялась больше всего. Каждый раз, выключая свет вечером и укутываясь до ушей в одеяло, Она надеялась, что спокойно уснет и ничего не услышит. Но углы сперва тихо шелестели, а потом все громче начинали что-то шептать, словно переговариваться. Это был кто-то один или их много? Важно ли это, когда ты лежишь в темноте такой уязвимый и некому тебе помочь? Кто поверит в тени, фантомные запахи и шепот?

Она даже купила себе ночник со звездным небом, но он издох через 2 дня и в ремонтной конторе развели руками, мол, первый раз видят такой брак. Тьма сгущалась и окутывала Ее, и Она уже явственно ощущала себя в ловушке - тьма поглотит Ее, Ей не одолеть ее в одиночку...

Квартира стала Ее убежищем и тюрьмой. Здесь Она могла предаваться своему уединению и одиночеству, купаться в чувстве измотанности и безысходности, поглощать ощущение собственной никчемности и бессмысленности всего вокруг и себя в особенности. Она словно была в пятачке невидимого софита, а вокруг непроглядная тьма сжимала свое кольцо. Порой Ей хотелось расширить этот круг света и верилось, что это Ей под силу, пока волна холода и страха от танцующих вокруг теней не заставляли ее съеживаться на диване или в кровати. А порой Ей хотелось, чтобы плесень уже накрыла Ее своей всепоглощающей волной, и Ей не пришлось уже пытаться, пытаться что-то сделать, пытаться что-то исправить, пытаться бороться и жить...

В один из вечеров, когда Она забилась под круг теплого света торшера и прикрывалась книгой, лишь бы не смотреть по сторонам и не давать щупальцам возможности дотянуться до Нее, раздался стук в дверь. Она никого не ждала. Да что там говорить: последние недели Она не то, что никого не звала в гости, но даже сама отклоняла приглашения и никуда не выбиралась. Странная сила тянула Ее в эту жуткую пещеру, где Она вела неравный бой с плесенью.

Стук повторился. Четкий, уверенный и задорный. Она робко подошла к двери, оглянулась через плечо на витающую пелену теней, вдохнула побольше воздуха и открыла дверь. Перед Ней стояла Вивьен Лайт, одна из сотрудниц Ее компании, девушка веселая, энергичная и всеобщая любимица.

- Ну, наконец-то! Я уж думала, ты гулять ушла. Ты в курсе, что у тебя тут недалеко открыли отличную новую забегаловку? Вспомнила, как ты говорила, что живешь в этом районе. Вот схватила нам две порции. Ты ведь помнишь сегодня выходит новый выпуск того сериала, про который я рассказывала? Посмотрим вместе?

Она робко и еле заметно снова глянула через плечо, и первый раз увидела, как тень отступила и замерла, словно наблюдая и оценивая новые возникшие обстоятельства. Она шагнула назад и впустила Вивьен. Та бодро прошагала на кухню, по дороге рассказывая обо всем на свете: казалось, эта девушка - бесконечный архив информации, но только не занудный и усып-

ляющий, а увлекающий в водоворот рассказов о невероятных событиях, удивительных устройствах и захватывающих человеческих историях.

Это был чудесный и светлый вечер. Впервые за очень долгое время. Она проводила Вивьен, прибралась, с удивлением обнаружив, что мурлычет себе под нос какую-то мелодию, и легла спать, не сжавшись в кои-то веки в плотный клубочек. Плесень затаилась в углах. Было тихо, и хоть и темно, но уже не так, словно ты провалился в бочку с мазутом.

Вивьен словно зажгла в Ней искру, желание жить и бороться за свою жизнь. Но плесень не желала так просто отступить. Если вечерами мрак выжидал, пока Она живо болтала по телефону, готовила на кухне или же, если день выдался особенно тяжелым, просто выбирала одежду на следующий день - раз перебирая с Вивьен гардероб, Она так увлеклась примерками, что решила оставить это своим маленьким ежедневным ритуалом. То вот ночью мерзкие ледяные щупальца-тени доползали до Ее кровати, стискивали все Ее существо, вызывая кошмары, от которых Она просыпалась в поту и тяжело дыша.

Вивьен возникала у Нее на пороге как снег на голову - всегда с идеей, чем заняться, и чем-то ярким под мышкой. Как-то она пришла с огромным букетом подсолнухов, за которым практически не было видно ее лица. Те простояли недолго – плесень задушила их за несколько дней. И все же Она практически видела, как эта гадость отдергивала свои щупальца от них, словно обжигаясь от хранящегося в них солнца. В следующий раз Вивьен потащила Ее в какой-то салон-бутик с кучей всякой ароматической всячины - «ты ведь жаловалась, что у тебя бывают неприятные запахи в квартире», и помогла выбрать ароматизаторы в красивых бутылочках, которые затем вместе с сухоцветами и свечами были красиво расставлены в комнате и ванной. Свечи... И почему Ей раньше не пришло в голову их купить? В дни, когда сил на оказание сопротивления плесени не было совсем, эти маленькие светлячки отбрасывали на стены маленькие блики, которые как огненные лилипуты гнали прочь темного врага.

Все постепенно налаживалось. Хоть плесень никуда не делась, она несколько ослабила свою хватку и сдала позиции. До одного дня, когда выяснилось, что Вивьен отправляют в командировку на несколько месяцев. Даже сама эта новость настолько выбила почву у Нее из-под ног, что открывая дверь квартиры, Она знала, что будет. Плесень не просто раскинула свои сети-руки по квартире. Она буквально нависала над ней повсюду.

За несколько дней до отъезда Вивьен, Она стояла скукожившись перед шкафом и все-таки старалась отрешиться от движений и шорохов по углам и выбрать себе одежду для следующего рабочего дня. А что будет с плесенью, если Она исчезнет? Эта мерзость уйдет вместе с Ней или же перекинется на кого-то другого? Станет ли Ее исчезновение освобождением для них обеих или обречет на страдания кого-то еще?

Стук в дверь. Она вздрогнула и погнала жуткие мысли как обычно в угол, часто-часто моргая. Этого ты хочешь, плесень, да?

За дверью слышалась какая-то возня и шуршание пакетов. Она быстро открыла дверь и увидела перед собой Вивьен да в компании. Одну руку ей оттягивала пара огромных мешков, а другой она бережно, но крепко прижимала к себе небольшого, взъерошенного светло-серого котенка с янтарными глазами.

- Смотри, кого я нашла на улице! Я не могла пройти мимо. Как увидела его, сразу подумала о тебе! Вот! Я тут прикупила кое-чего. Надо его хорошенько отмыть сейчас, а через час придет моя подруга. Она ветеринар - осмотрит его и все такое. Правда же он прелесть?

И продолжая весело чирикать, Вивьен протиснулась в дверь с хотулями, брякнула их на пол, достала несколько баночек и понесла котенка напрямиком в ванную.

- Захвати пару полотенец! Похоже, этот красавчик еще ни разу в жизни не купался - будет весело!

Сказать, что котенок не был восторге, не сказать ничего. Через час, как раз к приходу ветеринара, он был вымыт и высушен, и теперь угрюмо сидел в гнезде из полотенец на диване, пока девушки спешно прибирались в ванной.

Позже Она проводила Вивьен и ее подругу, закрыла дверь и вернулась к дивану, где после осмотра и процедур оставили котенка. Его там не было. Нет, неужели плесень уже его съапала?! Нет-нет-нееет! Ее мысли судорожно металась, как и Она по квартире. И тут Она услышала нечто в комнате. Там раздавалось какое-то странное шипение, как будто на раскаленную сковородку налили воды. Она бросилась туда, боясь даже вообразить, что эти мощные щупальца могли сделать с таким маленьким беспомощным созданием. Вот только беспомощным он не выглядел. Более того, было сложно понять, кто шипит больше - он или плесень, съеживающаяся в углах под натиском его огненных глазок и уверенной поступи. Заметив Ее, котенок мурлыкнул и галопом подбежал к Ней. Она подхватила его на руки и прижала к сердцу - вот только чувствовала, что защитник здесь скорее он, нежели Она.

Дни летели быстрее ветра. Теперь Она мчалась домой, но не потому что плесень силой своих щупалец затаскивала ее в свою берлогу. Нет. Там ждал ее несравненный Фламм. Он загнал плесень в самые дальние щели, и одного взгляда его янтарных глаз было достаточно, чтобы прижечь и пресечь любые ее попытки вылезти обратно. Он следовал за Ней по всей квартире и при первой же возможности старался устроиться у Нее на коленях. Диван из клетки, в которую Она была раньше заточена тенью, превратился в остров радости и умиротворения. Но плесень старалась наверстать упущенное время ночью. Поначалу это удавалось ей с трудом, поскольку малыш Фламм каждые 2-3 часа требовал то поесть, то поиграть. Какие там сны? Она просто отрубалась от усталости, и все-таки чувствовала себя гораздо лучше, чем раньше. Но постепенно ночной график установился, и тут уж плесень начала набирать обороты, насылая на Нее кошмары - к сожалению, во сне Фламм Ее защитить не мог.

Ей снилось, что Она идет по коридору, завешанному картинами. Она подошла к одной из них. На ней был изображен милый пейзаж. Внезапно на нем возникла черная фигура, которая наполовину вылезла из картины и схватила Ее за руку когтистой лапой, пытаясь затащить в холст. Она вскрикнула и рванулась. От этого движения Она и проснулась.

Было темно и тихо. Страх ледяными обручами обхватил все тело и не давал шевельнуться. Она мысленно взмолилась, чтобы пришел Фламм - быть одной в этот момент было невоносимо. Она боялась, что тень поглотит Ее. И вдруг с удивлением почувствовала, что Она не одна. Свернувшийся теплым клубочком Фламм спал прямо у нее под боком, положив на нее переднюю лапку. Он приоткрыл глаза, и те сверкнули в темноте отраженным светом. Она не одна. Она больше не одна. И Она ощутила как в комнату возвращаются привычные для ночи небольшое количество света от фонарей и редкие уличные звуки вроде проезжающей машины или отдаленного лая.

Вернувшаяся из рабочей поездки Вивьен с радостью обнаружила, как окреп не только котенок, но и Она. Плесень не исчезла - забилась в самые дальние углы в ожидании момента, когда сможет возродить свою мощь. Но теперь Она знала, что Она - не плесень, что Она может ее одолеть. Когда-нибудь Она накопит достаточно внутреннего света, чтобы встретиться с ней лицом к лицу и прогнать навсегда из своей жизни. Ну а пока, она, Фламм и Вивьен отправляются на машине в небольшое путешествие на побережье. И Фламм будет по пути лежать сзади под стеклом и греться на солнышке, а подруги сидеть спереди и подпевать радио. А потом будут прогулки, разговоры у костра и посиделки в пледах в ожидании рассвета, когда солнце выпускает свои лучи-сабли, разрезающие тьму на лоскуты.

Солнце светило Ей прямо в глаза. Она щурилась, но не отворачивала лицо - Ей так хотелось напиться этим светом, чтобы, может быть, он потом развеял тьму вокруг.

- О чем Вы думаете, мисс Куидам?

Она не ответила. Доктор вздохнул и нажал на кнопку приемника:

- Сестра, зайдите, пожалуйста.

Она встрепелулась.

- Вивьен придет?

- Да, мисс Куидам, Вивьен придет. Вы можете мне сказать, о чем Вы думали?

- Сегодня покажут новый выпуск ее любимого сериала, Вивьен очень хотела его посмотреть вместе.

Тихий стук в дверь. Вошла миловидная и улыбчивая девушка.

- Вивьен, ты пришла! Скоро начнется новый выпуск твоего любимого сериала, а нам еще за едой надо сходить.

Доктор и медсестра обменялись взглядами.

- Сестра, проводите, пожалуйста, мисс Куидам в ее палату. Чуть позже я проинструктирую Вас об изменениях в лечении.

Она быстро встала, практически добежала до Вивьен и взяла ее за руку.

- Не забудьте Фламма, мисс Куидам.

Доктор протянул ей маленького серого плюшевого кота с янтарными глазами.

Женщины вышли. Доктор встал, подошел к окну и долго глядел в него, а затем стал рассматривать углы, пытаясь увидеть то, чего увидеть он никак не мог - плесень была доступна только зрению его пациентки.

Радость моя

Смех и визг, вырвавшиеся за пределы детской площадки, резанул слух. Когда эти звуки стали такими раздражающими и утомительными? Ведь раньше она так любила находиться среди детей. Раньше. Тогда вообще все было по-другому. Она была глупой и наивной, или же просто теперь все ее ощущения отравлены?

С самого детства она знала, что умеет управлять эмоциями, причем не только своими. Она чутко реагировала на каждое душевное колебание людей рядом, впитывала их настроение и состояние и могла потом в нужный момент словно откупорить подходящий пузырек и направить нуждающемуся в поддержке.

Вот мальчик упал и расшиб коленку. Но ничего, пару дней назад она уловила вибрацию изумленного любопытства малыша, изучающего с мамой на траве божью коровку. Мягко наполняя мальчика этим теплым чувством, она увидела, как слезы на его щеках высохли, и он увлекся строительством плотины в песочнице, которую потом хотел залить водой.

А вот малышка, которая очень стесняется в игровой и никак не может решиться подойти к группе девочек, чтобы вместе поиграть. Можно найти в ее сердечке момент, когда они рисовали с бабушкой смешные картинки и хохотали от души, и пробудить в ней то же заразное озорство - глядишь, а она уже вместе со всеми играет в догонялки.

Ей казалось это так естественно делиться хорошими эмоциями. Когда она подросла ее стали звать на детские дни рождения аниматором - все знали, если она придет, то праздник пройдет на ура: дети весь день будут в отличном настроении, рады всему и всем, а к вечеру без истерик успокоятся и счастливые мирно лягут спать. Надо-то было лишь собрать весь спектр эмоций присутствующих детей и аккуратно его рассортировать, чтобы выстроить идеальный баланс для начала, разгара и завершения мероприятия.

Со временем возникла проблема, над решением которой ей потребовалось изрядно поработать: поначалу ее собственные чувства были в основном добрыми и позитивными, но по мере взросления добавлялись и те, которые нужно было держать под контролем, иначе они могли набрать силу и начать примешиваться к чужим эмоциям и портить их.

Круг знавших о ее способностях организовывать мероприятия наилучшим образом даже просто одним своим присутствием - все как-то при ней само собой налаживалось - ширился, и постепенно она перешла к более взрослой аудитории.

Ее будоражило и в то же время утомляло то, насколько сильно тут били эмоции, порой тщательно скрываемые, но от этого еще более стремительные. Она привыкла к детским эмоциональным качелям, но здесь была просто карусель с кучей движущихся в разные стороны качелек. Тем не менее, она освоилась - могла разрешить любую ситуацию, хоть иногда ощущала себя столь же замусоренной чужими впечатлениями, как оставленное после вечеринки помещение.

После одной из таких тусовок она и встретила эту девушку - с нее-то и началось это погружение во тьму... Девушка сидела на автобусной остановке одна и плакала, а мимо тянулись горлающие группки. Как тут пройти и не помочь? Слова не были нужны, хоть она и выслушала ее историю о том, как казавшийся ей любовью всей жизни парень ее бросил и теперь встречается с подругой. Унижение, обида, злость, горечь, отчаяние и безысходность. Чего хотят все отверженные? Мести? Нет. Чтобы нанесший им удар ощутил всю их боль. С этим можно было помочь и излечить тем самым девушку - думала она. Оооо, она заставила его пострадать, направляя его мысли в сторону отверженной им девушки. Не сразу, но все-таки он пришел к ней с извинениями. Она заставила его покаяться.

Теперь в ее жизни появилась вереница людей, которым требовалась ее помощь и защита от обидчиков. Ей нравилось ощущать свою силу и возможность нести добро и справедливость

в этот мир. Пусть те, кто ведет себя нечестно и непорядочно по отношению к другим, пожалеют о своих поступках и поведении, пусть исправятся, пусть все будут счастливы. Счастливы... Она вдруг осознала, что не помнит, когда последний раз дарила кому-то радость, а не отчаяние, смех до слез, а не слезы до икоты.

Надо развеяться, надо отвлечься от бесконечного потока боли и переживаний. Надо вернуться к истоку. Она попробовала снова проводить детские праздники. Снова. И снова. Но каждый раз то уныние, то агрессия, то апатия влезали и портили всю атмосферу. Звонки становились все реже. Она осталась одна, погребенная под своей гигантской библиотекой эмоций. Она решила, что наилучшим способом вернуться в строй, будет сперва навести порядок в себе и отгородиться на время ото всех, чтобы не соприкасаться с чужими историями.

День проходил за днем. Но один звонок все изменил. Это был женский голос, вернее плач, просивший о встрече. Она не ответила - слишком много боли. Затем был второй звонок - говорил уже мужчина, но фон был прежним. Звонки шли один за другим - эта пара, вероятно, отчаянно нуждается в ее помощи, шевельнулось у нее голове. В конце концов, тоненький голос совести велел ей хотя бы ответить - ведь всегда можно отказаться. Так ей казалось.

Это была история родителей, потерявших ребенка, и человека, отнявшего его у них. Первая личная встреча с отцом и матерью практически смыла ее в обморок мощью эмоционального потока - горького, ледяного и обжигающего одновременно. К следующим их визитам она стала тщательно готовится. Их беседы ненадолго приглушали этот невыносимый гул эмоций, но она чувствовала, что этим не ограничится - они хотят чего-то еще, чего-то большего от нее. И, наконец, речь зашла об этом. Их просьба ошеломила ее.

Им разрешили встретиться и поговорить с убийцей, и они хотели, чтобы она пошла с ними. Они хотели, чтобы он ощутил не только их боль утраты, но страх и агонию их потерянного ребенка перед смертью. Она не спала всю ночь. Можно ли сотворить такое с человеком? С другой стороны, человек ли он, раз проявил такую жестокость и заслуживает ли он жалости?

Решение было принято на рассвете. Короткий звонок, лишь одно слово в утренней тишине: «Хорошо».

На подготовку к этой встрече у нее ушло немало времени: эмоции родителей она изучила досконально, но ведь нужно было погрузиться и в состояние жертвы. С этим было сложнее. Ей пришлось встретиться с несколькими жертвами насилия, чтобы услышать их мысленные крики о помощи и нежелание расставаться с жизнью. Она отправилась на живодерню, чтобы погрузиться в животный страх перед смертью, когда наступает миг тишины и оглушающего сердцебиения.

Она верила, что так надо - убийца, причинивший столько боли, не может просто отсидеться в тюрьме. Он должен быть наказан. И она орудие справедливости. Человеческой справедливости.

Час настал. Слегка поколебавшись на входе, она тенью вошла за родителями в небольшую комнату, где за столом, прикованным, сидел мужчина. Это были злые глаза или просто затвердевшие от осознания того, что ничего не исправить? Этот вопрос останется с ней навсегда, а тогда она просто вкачивала в него всю собранную эмоциональную жуть, чтобы он в этот миг занял место своей жертвы. Чтобы он метался диким зверем в попытке спастись, а затем притих в отчаянии... Чтобы жаждал в равной степени остаться в живых, дышать, ходить, видеть и поскорее умереть, чтобы этот кошмар наяву, наконец, закончился... Чтобы все его существо раз за разом раздирали на тысячи частиц ледяными пальцами ужаса и вновь соединяло гонимой гулками ударами сердца горячей кровью, все еще текущей стремительной рекой жизни в его венах... Чтобы безысходность от неотвратимости жестокой смерти и трепещущая словно пламя на ветру надежда выжить танцевали свой безумный танец еще один, возможно, последний раз...

Она ушла первой, не проронив ни слова, опустошенная и сломанная. Теперь, сидя в парке и глядя на людей, она видела только мрак и тени, с возрастом постепенно заслоняющие внутренний свет. Но было ли это так, или это было лишь отражением ее собственного состояния?

Внезапно кто-то коснулся ее руки. Она удивленно вынырнула из своих мыслей. Перед ней стояла маленькая девчушка с разноцветными бантиками в высоких хвостиках. «Ты грустная. «Всё пройдет, и будет хорошо» - так мама говорит. На, возьми, он очень вкусный, но до обеда ни-ни», - сказала девочка и протянула радужный леденец-спиральку на палочке. А затем, улыбнувшись, резко крутанулась и помчалась к матери, подпрыгивая на каждом шагу, словно земля решила стать для нее личным батутом.

Она опустила глаза. На ладонях лежал леденец. Она подняла его и посмотрела сквозь разноцветную карамель на солнце, а потом на листву, прислушалась к шуму с детской площадки и поняла, что плачет и смеется от внезапно возникнувшей внутри искорки счастья. Все будет хорошо. Да. Все будет хорошо.

Читай меня

Обманывали ли ее? Увы. Причем довольно часто. Друзья говорили, что гады нагло пользуются ее доверчивостью и верой в самое лучшее в людях - она лишь улыбалась в ответ, пожимала плечами и продолжала быть собой: открытой и честной.

Но были в ее жизни и хорошие, добрые люди. Даже очень! Странное дело: она словно бы жила в окружении абсолютно полярных людей - тех, кто ею пользовался, и тех, кто всегда старался пойти навстречу. Если с первыми все было более-менее понятно: то кассир в магазине обсчитает, то коллега на работе идею для проекта уведет, то мошенники у нее что-нибудь выманят - и ведь знают же к ней подход! Исключением был лишь случай, когда ее почти ограбили. Это был ужасный день: на работе были проблемы; ее любимый пес по кличке Чуи оказался в ветклинике - врач позвонил и сказал, что ему нужна операция; и просто какой-то нескончаемый поток мелких неприятностей все сыпался и сыпался ей на голову. А «почти ограбили», потому что дорогу ей все-таки преградили и даже ножом погрозили, но, видимо, на лице у нее настолько все читалось, что вор взял у нее только часть денег и проводил до конца переулка, чтобы к ней еще кто-нибудь не прицепился.

Зато вторые, которые хорошие люди, каким-то магическим образом всегда точно знали, что ей нужно, как помочь, что ее заботит, и, главное, некоторые еще даже до того, как она успевала это озвучить. Какое-то время ей даже казалось, что она владеет магической способностью вкладывать в головы окружающих свои мысли, но она быстро отказалась от этой теории, поскольку тогда не существовало бы первой категории людей в ее жизни, верно? Но может она просто посылала им неверные сигналы?

В целом она была уверена в том, что прекрасно находит общий язык с окружающими - люди часто практически дословно понимали, что она думает и чувствует. Это было и даром и проклятьем - порой ей казалось, что она не столько обладает талантом общения, сколько представляет собой открытую книгу, которую только ленивый или совсем уж незаинтересованный не сумеет прочесть. Если контакт с человеком складывался, то они говорили в унисон, словно одним голосом, одними словами напополам, но в дискуссиях и спорах ее быстро оставляли на обочине - на каждый ее аргумент у оппонента словно заранее был заготовлен хлесткий ответ.

В конце концов, она как-то приноровилась, смирилась что ли, с тем, что не умеет скрывать свои мысли и не обладает врожденными, да и приобретенными - чего уж тут, хитростью и лукавством. Каждая ее попытка хоть в мелочи что-то скрыть или обмануть кого-нибудь оборачивалась стандартно провалом и обжигающим стыдом. Стоя порой перед зеркалом, она гадала, что именно выдает ее? Быстро розовеющие от любого смущения щеки, большие наивные глаза, слишком активная мимика, выписывающая пируэты на удивлении, радости, досаде?

Все оказалось одновременно гораздо проще и значительно сложнее. Ее взгляд на нее саму, всю ее жизнь, окружение и вообще мир изменились после одной случайной беседы. А началось все с одного дня рождения и перепутанных адресов...

Она стояла перед невзрачного вида заведением, которое, может быть, когда-то и было популярным баром, но сейчас представляло собой скорее сочетание запыленности и уныния. Тем не менее, она решительно толкнула дверь и вошла в тускло освещенное помещение - возможно, ее коллега захотел устроить некую тематическую вечеринку из серии «прощай, молодость!», потому и выбрал это место. Она сверилась с адресом, потом с часами - очевидно, она просто оказалась тут первой, поэтому на нее и поглядывали со смесью удивления и недовольства немногочисленные посетители, расплзшиеся по темным углам просторной комнаты с таким низким потолком, что было ощущение, будто ты попал в ловушку, у которой сдвигаются стены.

Она прошла к барной стойке, потопталась неловко в ожидании кого-нибудь за прилавком, разглядывая ряды захватанных бутылок у задней зеркальной стенки, пока случайно не уперлась глазами в нечеткое припыленное отражение старичка в поношенного вида плаще поверх чего-то, напоминающего пижаму, и с выцветшими карими глазами, которые в желтом полумраке старых ламп будто приклеились к ней, одновременно буравя и пригвождая. Наконец, из подсобки вышел бармен и, получив заказ, выдал ей бокал белого вина и вновь исчез в сгустившейся унылой обстановке заведения.

Минуты тянулись бесконечно, и делать вид, что читаешь что-то исключительно важное и интересное в телефоне, становилось с каждой минутой все более нелепо. Она пролистала список контактов, выбрала один и нажала «вызов». Наступила пауза, в которой она слушала один длинный гудок за другим, вдруг раздался щелчок, и бодрый голос на фоне шума вечеринки нарочито ласково прошептал: «Алло? Дорогая, это ты? Ну где же ты, у нас тут уже всю веселье!». Конечно, это именно ей случайно – «ох уж эти компьютеры, нет им веры!» – не дошла рассылка с точными данными праздника, именно она – «вечно ты витаешь в облаках» – перепутала адрес, именно... И дело было, естественно, совсем не в том, что из раза в раз эта, ЭТА (подходящее слово все не хотело становится нормативной лексикой) старалась оттеснить ее от того коллеги, который отмечал день рождения, не в том, что в его присутствии ЭТА (да, она никак не могла вырваться из мира ругательств) каждый раз нацеливала на нее свое жало и сыпала в ее адрес бесконечные нелепые шуточки, не в том...

Да какая разница в чем, собственно, было дело! Сейчас она оказалась в какой-то дыре, из которой ей по вечерним пробкам часа полтора добираться до коллег, которые к тому моменту, наверняка уже разбредутся – кто за продолжением банкета, кто по домам. Она глубоко вздохнула, пытаясь решить, как ей быть дальше – то ли мчаться на другой конец города, то ли уже усесться поудобнее и заказать еще выпить... Еще этот дед продолжал изучать каждый сантиметр ее лица, особенно, лба – ну, отвернись!

- Мдаааа... А лихо она тебя, верно? Вот так взять и прокатить мимо, да еще и обставить все таким образом, что неуклюжей дурочкой выглядишь именно ты. А вообще ловко придумано с этими барами, как думаешь? И неужели все из-за мужика? Хе-хе! – проскрипел неожиданно старичок.

Она даже не сразу поняла, что уже начала ему что-то отвечать:

- Что? А... да.. Подождите... А как Вы? – нет, она, конечно, знала, что все ее легко считывали, но чтобы до такой степени! И вообще, откуда он узнал такие подробности? Вопросы застряли на полпути к тому, чтобы быть заданными, и она просто уставилась на него в ответ.

- Мдааа... Давненько я такого не видел да еще в таком возрасте! – произнес он, внимательно ее рассматривая.

- Прощу прощения? – она почувствовала, как от неловкости лицо начинает покрываться красными пятнами, но еще старалась держаться сдержанно и уверенно.

- И каково тебе живется с этим вот? – спросил он, указывая куда-то в районе ее лба.

- С этим чем? – ее рука сама потянулась вверх, ощупала и пригладила челку. Вроде все как обычно – лоб как лоб, челка как челка, хоть и лежит сегодня не так, как хотелось.

- Ну с этим! С суфлером! – собеседник явно терял терпение от ее непонятливости, вот только у нее было стойкое ощущение, что странная здесь не она.

Видимо, ее растерянный и недоумевающий вид заставил его смягчиться:

- Так ты не знаешь? Неужто никто из твоих родных или друзей тебе не рассказал? Хо! Вот это даааа! Может и мне тогда стоит промолчать? – он задумался лишь на мгновение, после чего хохотнул, явно довольный собой: Ну уж нет! Нельзя оставлять такую легкую мишень, честное слово!

- Знаете, я, наверное, лучше пойду... - она стала медленно сползать с высокого барного стула.

- Дорогуша, не хочу тебя пугать или расстраивать, но у тебя осталась бегущая строка над головой, - выдал, наконец, он и разразился полуминутным хриплым то ли кашлем, то ли смехом.

- Что-что у меня над головой? – она так и зависла на полпути со стула, цепляясь за краешек сидухи и разума. Быстрый взгляд в зеркало за баром – лицо как лицо, никаких строк, слов или даже букв на нем не было. Или все-таки было? На краткий миг ей показалось, что она видит, как прямо посередине лба ползет текст «что это вообще за бред? надо бы...», но дочитать она не успела, надпись исчезла, оставив лишь ее удивленное отражение с напряженным выражением глаз. Она встряхнула головой, полная решимости расплатиться за напиток, вежливо попрощаться с неожиданным собеседником и поскорее уйти. Но что-то держало ее припиленной к этому несчастному облезлому стулу. Еще один быстрый взгляд в зеркало. Да что это с ней? Неужели она снова увидела еле пропечатанный текст чуть повыше своих бровей? Она перевела испуганный взгляд на него.

- Что это такое? Что со мной? – она не помнила, какие там были стадии принятия, но сейчас она переходила в состояние ужаса.

- Ты что, действительно не знаешь? Даже чисто в теории? Боже, и чему только учат в школе?! – старичок явно наслаждался моментом, в котором у него появился, видимо, за долгое время не просто собеседник, а такой, чью жизнь он вот-вот мог перевернуть с ног на голову или обратно – зависело от точки зрения того самого собеседника. Однако она не оценила по достоинству его навык выдерживать драматическую паузу и нетерпеливо выгнула брови и выпучила глаза.

- Ох, ладно-ладно! Расскажу, а то тебя еще удар хватит, а мне потом отвечай! Так вот, почти все рождаются с ней, ну, с этой, с бегущей строкой – очень удобно для родителей, скажу я тебе. Хотя некоторые, я слышал, и пытаются еще на этапе зачатия и беременности ее убрать, но пока редко у кого получается – мне кажется, это скорее дело случая. Иногда рождаются уже без нее - таких деток сразу отбирают, потому как это, мол, означает наличие отличных задатков для профессий, требующих, эээмм, умения делать не то, что говоришь, и говорить не то, что думаешь, там для юристов всяких, публичных личностей короче, - он прервался, чтобы отхлебнуть из своего стакана, да так и застыл с ним руке, унесенный, видимо, потоком своих мыслей. Правила приличия требовали дать ему время самостоятельно вернуться в беседу, но она понимала, что здесь и сейчас происходит, возможно, один из самых странных и важных разговоров в ее жизни, и она не собиралась уступать свое время хитросплетениям его сознания, поэтому взяла и громко кхекнула. Пожалуй, вышло чуть резче, чем она хотела, потому как старичок аж вздрогнул от неожиданности и, еще не совсем вернувшись в реальность, весьма сердито на нее посмотрел, но все же продолжил:

- О чем это я? Ах, да... У большинства, значит, суфлер еще в детстве исчезает – сперва тускнеет с первыми попытками соврать, что почистил зубы или съел весь суп, а конфеты не трогал, а потом просто растворяется в воздухе. Потому-то все так подростков боятся – читали-читали их, а потом – бах – и надо понимать, разговаривать, узнавать, а детям, это самое, все бесконечно взрослым объяснять надо, вот. А у тебя, значитца, осталась. Неужели тебе никто не сказал? Ты прямо уникум – пронести, получается, такую честность и чистоту столько лет...

Наступила тишина. Старичок снова удалился в закоулки своего разума, а она сидела и медленно раскачивала в руке бокал вина – то ли в оцепенении, то в сосредоточенности. Это было одно из тех состояний, когда ты вроде как думаешь обо всем и ни о чем одновременно – сознание выхватывало воспоминания о тех или иных событиях ее жизни, но читало их по-другому, расшифровывая заново те или иные линии поведения людей вокруг. Как она раньше этого не замечала? Как не видела, что ее попросту дословно считывали? Она вновь взглянула в зеркало – на сей раз она отчетливо видела надпись на лбу, и гласила она: «КАК?!». Вдруг старичок вновь заговорил – как-то отрешенно и глухо, будто мыслями он был где-то далеко:

- Есть легенда, что давным-давно все люди всю свою жизнь ходили с такой вот строкой, и был в мире порядок и понимание. Конечно, не обходилось и без ссор, конфликтов и войн, но решить их было гораздо проще, когда невозможно скрыть намерения и причины. Но затем что-то случилось - любовь ли жгучая или горе утопляющее, кто ж теперь знает, а кто знает, тот молчит... но полоски стали исчезать, причем все в более раннем возрасте. Уж больно велик был соблазн стать тем самым избранным, способным читать других, но оставаться для окружающих загадкой. И начался сперва полный хаос, потому что ну не могли люди понять, как это не только беседы вести друг с другом, но и распознавать, когда кто лжет, а когда правду говорит. Да и сейчас не многое изменилось, просто теперь никто никому не верит, даже иногда самим себе... Вооот... - старичок вновь замолчал и внимательно посмотрел ей в глаза: Но вопрос теперь таков: что ТЫ будешь делать со своей строкой?

- Я? А разве с ней что-то можно делать? В смысле, я думала, что она просто есть сама по себе и от меня тут ничего не зависит...

- Еще как зависит! Чем ты слушаешь вообще?! Говорю же тебе: от лукавства и скрытности она в детстве пропадает, так что вполне в твоей власти... - он запнулся.

- Что?

- Пойми, дети еще не умеют толком вести одновременно в голове мысли, которые лучше бы скрыть и которые надо бы выставить напоказ, а вот взрослые – другое дело. Встречал я таких, которые не столько над смыслом того, что вылезало на суфлер работали, сколько над формой – ну там, могли попытаться как-то зашифровать слова, заменяя буквы или меняя их местами, а был один чудик, который переворачивал строку то вверх ногами, то задом наперед и считал, что так он выглядит загадочней и умнее – а сколько времени на тренировку этой белиберды потратил! Но ты... Боже! Я стану создателем шедевра и чудовища одновременно! – на краткий миг ей показалось, что тускло-карие глаза старичка окрасились огненно-рыжими всполохами. Она моргнула, прогнав видение – перед ней сидел все тот же дедушка, сутулый и хрупкий. И все же было в нем нечто, что заставляло быть настороже, как будто ты вышел на залитую солнцем поляну, но хребтом чувствуешь, что там за кругом света, в тени кустов притаился хищник, оценивающий свои и твои шансы.

- То есть Вы хотите сказать, что строкой можно управлять?

- Это требует работы ума, немалой причем, но думаю, да.

- А Вы когда-нибудь это пробовали?

- Увы, я лишился своей строки в слишком раннем возрасте, чтобы суметь как следует ею воспользоваться, а вернуть ее уже нельзя. Как и нельзя перестать ее редактировать – теперь ты знаешь, что она есть, что ее видят окружающие, и, скорее всего, будешь каждый раз задумываться, не вывела ли ты на суфлер чего лишнего. А вот сможешь и захочешь ли ты полностью перекраивать текст для публики – зависит только от тебя.

Она вышла на улицу, и город на мгновение ослепил и оглушил ее сиянием и звуками своей вечерней жизни. Она должна была бы быть в смятении, в хаосе мыслей и рассуждений, но внутри у нее было на удивление тихо и спокойно. Кто она теперь? И изменилась ли она? Перед ней вставала дилемма: постараться отринуть эти новые знания, забыть весь разговор, да вообще весь этот вечер, остаться такой, как была... или же, наконец, получив уникальную возможность, начать обыгрывать всех тех, кто годами ею пользовался? Она остановилась у витрины магазина – в своем отражении она увидела принятое еще в баре решение и прочитала свою последнюю честную, чистую и неотшлифованную для других мысль.

Я тебя вижу

Он смотрел на ее застывшее заплаканное лицо на экране проектора. Только ее лицо на весь экран. Припухшие глаза, покрасневший от постоянных вытираний нос, мокрые от слез щеки... Подпись под застывшим кадром гласила «Худший момент за год». Он отмотал 15-минутное видео на начало и снова включил: вот она прошла в комнату, вот медленно села на диван, вот закрыла лицо ладонями, надавливая на глаза в отчаянной попытке не расплакаться, но вот рвущаяся наружу боль выплеснулась потоком слез и всхлипываний. Он вновь остановил видео и вгляделся в это лицо, когда-то такое родное и любимое... когда-то... Но ведь не когда-то! Он до сих пор любил и скучал, их разрыв теперь казался ему таким глупым, таким напрасным. Но что было, то было. Ее страдания одновременно заставляли его сердце сжиматься от сочувствия и - он не смел признаться в этом даже себе - подсказывать от удовлетворения. Если бы он был рядом... Но он не был!

Он вернулся в меню на экране и стал пролистывать категории – в разделе лучших и худших моментов: за день, за неделю, за месяц, за год. Ее моментов. И ведь все начиналось одинаково: он выбирал для просмотра сперва хорошие мгновения ее жизни, но постепенно жалость к самому себе и уязвленное самолюбие заставляли его перейти в негативный раздел – потому что ну как, как она может радоваться жизни без него? Как это ему грустно, а ей весело? Как это он тоскует, а она движется дальше? Ему хотелось видеть доказательство того, что и ей бывает плохо! Стыдился ли он этих порывов? Очень. Глядя на себя в зеркало после очередного видеосеанса, ему хотелось плюнуть себе в лицо. А в те редкие дни, когда он усилием воли удерживал себя на просмотре ее добрых воспоминаний, он засыпал с легким сердцем, потому что где-то там есть она, и она счастлива. Сколько раз он набирал номер ее телефона, чтобы услышать, чтобы сказать, но в последний момент рука безвольно повисала, и он так и оставался сидеть, стоять, лежать, глядя в одну точку, так и не нажав кнопку вызова.

Воспоминания... Но это не были воспоминания в прямом смысле слова. Это была своего рода видеохроника ее реакций на какие-то события в жизни. Контекст в большинстве случаев отсутствовал, были лишь картинки ее - смеющейся, задумавшейся, плачущей, волнующейся, умиротворенной. Он до сих пор не совсем понимал, как это работает. Продавец вроде как объяснил ему основные принципы, мол, вокруг всегда найдется снимающая камера, но от этой мысли у него всегда возникала неприятная мысль, что и за ним вот так кто-то может подглядывать, и он гнал ее подальше. Была и другая мысль, сидевшая в мозгу занозой: вдруг, наоборот, никому совершенно не интересна его жизнь, его взлеты и падения? От этого становилось еще гаже и обидней на душе.

То был дождливый день, прямо как сегодня, когда он вошел в крохотный магазинчик на окраине города. По телефону ему сказали, что тут смогут подобрать необходимые запчасти и, собственно, починить его проектор и, что не менее важно, за умеренную плату, не требующую чудесных и маловероятных выигрышей в лотерею или внезапно почивших богатых родственников, о наличии которых он и не подозревал, но которые почему-то очень хотели его облагодетельствовать. Вышел он оттуда не только с квитанцией на ремонт, но и небольшой коробочкой, в которой лежало некое устройство. Его всего-то надо было подключить к проектору и к сети, загрузить программу и начать поиск тех, чьи светлые и темные стороны жизни ты хотел рассмотреть. Помнится, тогда в магазине, он спросил:

- А можно узнать, есть ли моменты, связанные со мной?

- В целом, да. Есть у меня человечек, который может одну системку международную взломать, чтобы повнимательнее рассмотреть воспоминания, найти зацепки, совпадения, а потом написать для Вас специальный алгоритм поиска. Но это будет дороже, сами понимаете.

Он тогда отказался, а сейчас, сидя перед экраном, заполненным ее лицом, жалел об этом. Сейчас он отдал бы все на свете, чтобы узнать, чем были для нее их отношения, был ли шанс их сохранить... был... есть ли шанс?...

Он исправно ходил на работу, дисциплинированно посещал спортзал и вообще вел правильный образ жизни – такой, чтобы окружающие считали его нормальным, чтобы не вызывать вопросов. Такой, чтобы против его присутствия не возражали, но и не особо расстраивались из-за его отсутствия. Это позволяло свободно и легко увиливать от приглашений «посидеть где-нибудь вечером компанией». Вместо этого он все глубже погружался в калейдоскоп мгновений чужих жизней. Собственно, именно так он и узнал, что пропущенная им вечеринка у друзей стала для многих лучшим событием за неделю, а у некоторых и за месяц. Сознание кольнули зависть и угрызения совести, но нажатие кнопки пульта и кадры на экране быстро их заглушили.

Он понимал, что увяз. Это стало не развлечением, не способом удовлетворить свое любопытство, а удушливой привычкой, не дававшей ему ровным счетом ничего. Как-то раз он все-таки решился вбить в поиск свое имя. Система тут же предложила выбрать дату или обозначить период. Его окатила волна ужаса, когда он, открывая файл за файлом, увидел, что его лучшие и худшие моменты последнего времени сплошь состояли из просмотров чужих жизней. Больше ничего! Как будто его, как самостоятельной личности, не существовало. Словно он был только наблюдателем в этом мире, чей-то неотступно следящей тенью. В этот вечер он выключил проектор раньше времени, убрал пульт подальше в ящик и лег спать, чувствуя себя полупрозрачным, истончившимся, хотя его отражение в зеркале и твердило ему, что все в порядке, только пора бы подстричься.

Но избавиться от привычки, тем более вредной, не так-то легко. Экран манил его, рука сама тянулась к пульту. Он буквально выгонял себя по вечерам на прогулку – лишь бы подальше от проектора, от чужой боли и радости. Ложась спать, изможденный от борьбы с самим собой, он хвалил себя за стойкость, но просыпался с чувством опустошенности, будто прошедший день был прожит им впустую. Он стал замкнутым, потому что как рассказать людям о сути его переживаний – его же сочтут в лучшем случае ненормальным! Поэтому он просто отмахивался и отшучивался от озабоченных вопросов знакомых и друзей о том, все ли у него в порядке – мол, работы много, стресс, устал... И тогда они сочувственно ему кивали и советовали почаще выбираться в люди, например, вот сегодня они куда-то там собираются... Ах, он занят? Какая жалость – он почти верил в тщательно изображаемое разочарование. Дни тянулись, и ему порой казалось, что они становятся гораздо длиннее того, на что хватит его жизненного сил.

Звонок. Он не ответил – лишь продолжил таращиться в выключенный экран проектора. Надо держаться, надо держаться! На этой неделе он уже дважды сорвался. Еще один звонок. А потом включился автоответчик: «Ээй, приятель ты там?». Школьный друг – когда они последний раз встречались? Мысль прервало неожиданное приглашение в гости по случаю его обручения и предстоящей свадьбы – «Отказ не принимается. Очень ждем тебя!». Пииип, и на автоответчике замигал красный огонек, оповещающий о наличии сообщения. Позвоню накануне, прямо впритык, и скажу, что не смогу прийти – заболел, работа, срочные дела... Но он был здоров, в офисе он не задерживался, никаких дел, тем более срочных, у него не было... Совсем... Он схватил трубку, и, пока не успел передумать и остановить себя, быстро набрал номер товарища: «Алло. Да, привет. Да, получил твое сообщение. Дааа... я приду, очень постараюсь. Что? Ааа, как у меня дела? Да, действительно давненько мы не виделись...».

Через неделю он уже сидел в уютной гостиной напротив друга, разговор с которым тогда затянулся на несколько часов и будто вдохнул в него снова жизнь, нет, не только жизнь, желание жить. Это была та часть вечера, когда ужин уже съеден и все пересаживаются на более удобную и мягкую мебель с бокалом вина и ведут более откровенные беседы.

- Так, подожди: вы расстались, потом вновь встретились и теперь женитесь?

- Так точно! Оказалось, что мы оба жалели о произошедшем, но были слишком гордыми, чтобы первыми позвонить или написать. И тут вдруг случай, счастливый случай... (он почему-то лукаво подмигнул) А еще, думаю, определенную роль сыграло то, что...

На пороге комнаты возникла невеста и, шуточно закатив глаза, усмехнулась: «Оооо, неужели опять эта история маньяка?».

- Ты говорила, что это произвело на тебя впечатление! (неразборчивый ответ девушки, вновь ускользнувшей на кухню, и ее звонкий смех) Ну так-то, конечно, да, отдает слегка маньячиной. Но я просто очень по ней скучал. Короче, около года назад купил я одну штучку, ну, типа приставки что ли. Ее подключаешь к телевизору (или проектору, подумал он про себя, уже, понимая к чему ведет рассказ), и можно посмотреть, что у кого в жизни происходит. В общем, смотрел я на нее, смотрел, и понял, что с ума просто схожу, как будто ничего в жизни у меня нет, кроме этих кадров на экране. Ну и решил: пан или пропал. Что мне нужно ее найти. И стал вспоминать, куда она любила ходить, и стараться ходить ее маршрутами в надежде встретить, и таки встретил. И вот.

- Говорю же: маньяк! (она присела на подлокотник его кресла и приобняла за плечи) Но очаровательный!

Он смотрел на них, и в голове его роились мысли. А когда пришло время прощаться, в душе его созрела решимость. Придя домой, он отключил устройство от проектора, упаковал в коробку и вынес на помойку.

И вот он стоит на пороге ее дома. Месяцами он рассматривал ее лицо на экране. Месяцами довольствовался этой выстроенной в одностороннем порядке видимостью близости. А теперь ему нужно лишь протянуть руку и нажать на звонок. Все его существо разрывалось на две части: одна уговаривала развернуться, оставить все, как есть; другая убеждала рискнуть, узнать, наконец, есть ли шанс, и, если да, не упустить его. Так он простоял уже десять минут. Нужно было на что-то решаться, пока соседи не вызвали полицию – ибо взрослый мужчина, неподвижно стоящий у дверей одной из квартир, вызывает вопросы и подозрения. А что, если она скажет, что слишком поздно, и громко хлопнет дверью прямо перед его носом, оставив его стоять в оглушительной тишине унижения? Но она же может и сказать, что рада его видеть – не сразу, конечно, сперва она наверняка удивится его визиту... Мысли путались, сердце стучало уже где-то в горле, от волнения дыхание стало рваным и сбивчивым...

Словно во сне он видел, как поднял руку и нажал на звонок. «Минутку!», шаги в коридоре, звук открываемой двери. «О, привет».

На счет 3

Честно говоря, мы с женой сами не очень понимали, да и вообще не до конца верили в то, где были. А оказались мы на одном из самых элитарных и закрытых ужинов, и не в качестве обслуживающего персонала, а гостей. Но мы явно выделялись среди присутствующих. Несмотря на все старания, буквально часы сборов и трижды перерытый в поисках лучшей одежды гардероб, мы не дотягивали до планки. В зале все было дорого, даже звуки: гости словно общались на каком-то внеземном языке - разговоры сливались воедино не в гомон, а в некую мелодию, полную переливов и легкого приятного звона. Одним словом, роскошь: все здесь было ею пропитано, она словно сочилась отовсюду, как золотое сияние, обволакивающее других гостей, скорее похожих на полубогов, чем на обычных людей - холеные, лоснящиеся и богатые, баснословно богатые. Эти люди вращались в мире денег с такими категориями цифр, что это не укладывалось в уме среднестатистического человека. И, тем не менее, вот они мы, сидим здесь, боясь лишний раз пошевелиться, чтобы не привлечь к себе внимания - хотя на нас нет-нет, а бросали удивленные взгляды. Как же мы попали сюда? Розыгрыш. Да, как это ни парадоксально. С некой, понятной только им периодичностью устроители ужина выбирали счастливчиков из обычных людей, которым открывался допуск на один вечер к миру шика и власти.

Нам принесли приветственные напитки и первые закуски. И казалось, что зал вот-вот оживет новыми звуками и движениями: люди, пробуящие лучшие блюда, если не мира, то страны уж точно, станут это обсуждать и смаковать, но атмосфера, напротив, словно загустела, повиснув натянутой нитью напряжения между столами – было ощущение, что все чего-то ждут, чего-то исключительно важного и знаменательного, и одни мы не знали, чего именно. Я удивленно переглянулся с женой, и, постаравшись напустить на себя невозмутимый и уверенный вид, позволил глазам блуждать по периметру помещения. Каково же было мое удивление, когда в дальнем углу недалеко от барной стойки я наткнулся взглядом на брата. Тот воззрился на меня, как мне показалось, испуганно, покачал головой будто говоря «нет, не показывай, что мы знакомы», а потом коротко еле заметно кивнул в сторону, мол, «поговорим, но не здесь». Я был в замешательстве, но решил пока ничего не рассказывать жене – нужно сперва выяснить, в чем дело и почему брат не упоминал о новой работе.

Я вышел в уборную. Брата нигде не было видно. Я уже мыл руки и поправлял и так максимально прилаженный женой галстук, когда он тенью проскользнул в комнату и прямо-таки затолкал меня в кабинку. И когда я хотел уже не только высказать ему свои претензии, но и пнуть хорошенько так, по-братски, он одной рукой закрыл мне рот, а другой приложил указательный палец к своим губам. Так мы простояли где-то с минуту. Я уже начинал терять терпение. Какого здесь вообще происходит? У меня, в конце концов, одно из самых шикарных свиданий с женой, а я торчу зажатым братом около унитаза. Наконец, он как будто слегка выдохнул и зашептал:

- Что вы здесь делаете?!
- В смысле? У нас есть приглашение...
- Боже... что же делать?...

Он явно очень нервничал, периодически прислушивался к звукам, раздававшимся за дверью, и о чем-то судорожно соображал.

- Слушай, это твой очередной розыгрыш? Должен сказать, момент выбран не самый удачный... - начал было я, но, встретившись с ним взглядом, осекся на полуслове.

Да, с самого детства брат любил придумывать самые разные шутки надо мной, частенько не очень смешные, по крайней мере, для меня, но в этот раз что-то было явно не так. В его глазах читались одновременно решимость и ужас. Наконец, он заговорил, если так можно назвать еле различимый шепот, слетавший с его губ:

- Слушай меня очень внимательно, ни о чем не спрашивай и никому ничего не говори... кроме жены. Но предупредить ты ее должен так, чтобы никто ничего не заподозрил. (От того, с какой серьезностью он произносил эти слова, мне стало не по себе, и по спине прошел легкий холодок, словно мои вероятно еще сохранившиеся пусть и практически в рудиментарном состоянии инстинкты уловили некую опасность.) Сейчас ты выйдешь отсюда, как будто этой встречи не было, вернешься за свой столик и продолжишь, как ни в чем не бывало. Вам будут подавать разные блюда, среди которых будут три особенных. Это будет не еда, а небольшие капсулы. Что это, я не могу рассказать, но они покрыты специальным составом, чтобы создать иллюзию некоего необыкновенного перелива вкусов – тут вам придется включить все ваше актерское мастерство, изобразить райское наслаждение, потому что глотать эти капсулы вам категорически нельзя! Вам надо только сделать вид, что вы их проглотили - уберите их карман или сумочку и заберите домой. Вечером выкиньте их в унитаз. Когда вам позвонят через пару дней – а вам точно позвонят – узнать, как прошел здесь ваш вечер и все такое, скажи, что все было замечательно, но вечером вы себя неважно почувствовали, вероятно, чем-то отравились. Все. И никому никогда об этом ни слова. Запомнил?

Я смотрел на него, не зная – мне смеяться или сердиться. Все, что он сейчас наплел, было какой-то чушью, отдающей бредом сумасшедшего параноика. Тут он крепко схватил меня за плечи:

- Это очень важно! Знаю, у нас разное было в прошлом, но на этот раз все действительно серьезно! Прощу тебя: сделай, как я сказал!

Я коротко кивнул, и в тот же миг он бесшумно выскочил из уборной, а я остался стоять в открытой кабинке, глядя на свое слегка взъерошенное отражение в зеркале. Мне потребовалось пару минут, чтобы переварить все только что услышанное от брата. Похоже, он и вправду был напуган и переживал за нас. Ну, если это снова одна из его дурацких шуточек! Это уже будет перебор! И все же... что-то в его глазах, шепоте, осторожных движениях человека, старающегося не быть засеченным, меня насторожило.

Через пару минут я вернулся за столик. Я боялся, что пожалею о принятом решении, но все же решил послушаться брата. Жена взглянула на меня:

- Ты что-то долго – все в порядке? Тут еще несколько блюд принесли, но не хотела без тебя пробовать. С чего начнем?

Нужно как-то предупредить жену. Я перегнулся к ней через стол и поцеловал, а затем прильнул к щеке, уткнувшись носом в волну каштановых волос, и стал судорожно шептать ей на ухо все то, что сказал мне брат. Надо отдать ей должное: она ничем не выдавала, что вместо комплиментов и признаний я расписывал ей инструкции наших действий. Пару раз она кокетливо стрельнула в меня глазами, улыбнулась, в конце поцеловала в щеку и слегка кивнула. Сторонний наблюдатель не увидел бы в этой беседе ничего, кроме воркования влюбленных, я же отметил легкую складочку, пролегшую между бровями и потемневшие от сосредоточенности глаза. Но она по-прежнему весело что-то со мной обсуждала – от интерьера до подачи еды – и высказывала предположения о том, чем же нас будут дальше гастрономически удивлять. Невероятная степень ее самообладания подействовала на меня успокаивающе. Если она

согласилась на этот план, то нас уже двое – либо двое напарников на выполнении сложного задания, либо двое лопухов, которых одурачил мой брат.

Очередная смена блюд, и перед нами появилась целая инсталляция изображающая морской берег, в центре располагалась переливающаяся всеми оттенками перламутра раковина с жемчужной капсулой. Мы заинтригованно переглянулись и посмотрели на официанта. Оказалось, капсулу нужно положить на язык, подержать 30 секунд и проглотить, запив водой. Мы изобразили, что послушно все сделали, а когда официант удалился, убедившись, что мы вкусили это блюдо, и забрав посуду, незаметно выплюнули таблетки. После еще нескольких вариантов замысловатой еды, мы снова получили свои капсулы – на сей раз на тарелке воссоздали лесную поляну, а мы якобы глотаем листик некоего диковинного растения. Третья капсула шла в ряду десертов и лежала на самом верху полной корзины ягод. Надо было видеть остальных гостей, когда они получали свои капсулы – такое взбудораженное состояние на стадионе-то не всегда увидишь, а тут они будто дорывались до чего-то, дарующего блаженство, потому как, отправив таблетки в рот, они прикрывали глаза и замирали, как будто устаивались чести стать частью некоего священного ритуала. Я все ждал, что сейчас раздастся какой-то церковный хор или некий луч света вдруг озарит их и перенесет в другую реальность. Но проходила минута, гости вновь возвращались к своему высокомерно изысканному состоянию и продолжали свой ужин.

Вечер подошел к концу, и гости, до этого так царственно восседавшие за столами, практически ни с кем не прощаясь, быстро покинули зал, будто боясь, что кто-то может узнать об их присутствии на данном мероприятии. До самого дома мы с женой обсуждали все на свете, кроме того события, участниками которого мы неожиданно для самих себя стали. Но стоило только двери нашей квартиры закрыться, как жена, взяла меня за руку и повела в ванную. Закрыв за нами дверь, она повернулась ко мне:

- А теперь расскажи мне еще раз все, что услышал от брата.

Я рассказал.

- Значит, их надо смыть в унитаз, как будто нас стошнило? – наконец, спросила она. Я кивнул.

- Тогда так и поступим.

Мы вышли в коридор, вынули из ее сумочки тщательно завернутые в салфетку шесть капсул – две белые, две зеленые, две красные – кинули их в туалет и смотрели, как вода водоворотом уносит это разноцветное конфетти прочь из нашей квартиры, прочь из нашей жизни. Мы больше не возвращались к этому разговору, но пару дней спустя нам действительно позволили узнать, как прошел наш вечер и понравился ли нам ужин. Я ответил, как велел брат, что было замечательно, к сожалению, мы, вероятно, подхватили кишечный грипп, но это ни в коей мере не испортило нашего впечатления от их мероприятия. Девушка на другом конце провода выразила свое сочувствие и надежду на наше скорейшее выздоровление, вежливо попрощалась и повесила трубку. На этом сия история и закончилась, оставив некий осадок, вернее, ощущение страшной тайны, невольными свидетелями которой мы стали.

Так прошло несколько лет. Наши отношения с братом из юношеских, соревновательных и подтрунивающих друг над другом стали более зрелыми и спокойными. Будто в тот странный вечер мы заключили некий пакт, служивший теперь прочной основой для обоюдного доверия. Последнее время он стал частенько к нам заходить, и мы любили сидеть на балконе с бокальчиком чего-нибудь и вспоминать прежние деньки. В один из таких вечеров мы, хорошо разогретые вином, точно также сидели и смотрели на вечерний город, когда в нашей беседе

повисла пауза. Это была такая тишина, которая не тяготит и не требует своего немедленного заполнения, а дает каждому возможность ненадолго удалиться в собственные мысли. Внезапно я вспомнил тот ужин.

- Слушай, а что все было тогда, с тем пафосным ужином, на котором давали странные таблетки? Это был какой-то твой прикол? Тогда ты его не довел до конца...

Я усмехнулся, рассчитывая на небольшую шуточную пикировку. Каково же было мое удивление, когда я увидел тот же самый страх в глазах брата, который не видел с того самого вечера. Он судорожно огляделся, ощупал свои карманы, а затем мои – я не сразу понял, что он проверяет, с собой ли наши телефоны. Поскольку они остались лежать на столе в комнате, а дверь балкона была закрыта, он как будто выдохнул и вновь устроился в своем плетеном кресле, но мышечное напряжение, которое он старался скрыть, ощущалось во всем его теле. Он явно не хотел возвращаться в тот период своей жизни: после того вечера у него были некоторые проблемы с трудоустройством, хотя он никогда не упоминал, в чем была собственно причина – ни в чем противозаконном он замечен не был, был парнем старательным и толковым. С другой стороны, я уловил желание поделиться, сбросить груз знания что ли. Он помолчал какое-то время, а затем начал свой рассказ, в истинность которого у меня, увы, нет причин не верить, и все же порой хочется, чтобы это был вымысел, очередная глупая шутка моего брата.

- Я был стажером в одной очень крупной организации. Вернее, это даже не организация. Это некий спрут – у них есть свои представительства, кажется, во всех уголках мира, во всех возможных сферах и не только в экономике, во всех возможных отраслях, особенно там, где речь идет о передовых технологиях. Но они тщательно шифруются. Никто и не подозревает, что сотни компаний по всему миру на самом деле связаны в единую систему. Я прошел отбор на стажерскую программу с перспективой дальнейшего трудоустройства, и в тот вечер впервые присутствовал на ужине. Эдакая инициация, что ли. Незадолго до этого я узнал о целях этого ужина – что-то официально, что-то случайно, но я явно знал больше, чем большинство не то что стажеров, но и штатных сотрудников. Признаюсь, концепция меня поначалу заворожала: это чувство, когда ты одновременно в восхищении и ужасе от придуманного кем-то. Я очнулся только, когда увидел вас. Тут вся кошмарность этой задумки обрушилась на меня – я должен был что-то сделать, чтобы вытащить вас оттуда, чтобы... Я слишком хорошо уже на тот момент все понимал.

Он замолчал ненадолго, а я подавлял в себе желание его поторопить, подтолкнуть, ибо боялся, что мои расспросы могут спугнуть эту откровенность. Казалось, он вел внутренний бой сам с собой: нежелание вовлекать кого бы то ни было в тяжкое бремя известной ему информации, судя по всему, весьма порочной, и потребность его разделить. Наконец, он продолжил:

- Три капсулы... Первая – что-то свежее, чтобы символизировать предстоящее обновление; вторая – что-то с горчинкой, чтобы облегчение в теле ощущалось острее; третья – что-то сладкое, чтобы подсластить неумолимость расплаты, если не будет послушания. Три капсулы – это высокотехнологичные крошечные роботы: сборщики информации о состоянии здоровья, лекари и палачи.

Я сглотнул, но в горле внезапно так пересохло, что это не особо помогло:

- Палачи? Лекари? И кто там? Сборщики? Что это такое?

- Это высшая медицина и лучший рычаг управления самыми влиятельными мира сего. Вы хотите быть как можно дольше здоровым и крепким? Вы хотите выглядеть всегда наилуч-

шим образом? Они предлагают решение: с помощью белой капсулы они собирают все данные об организме – что хорошо, что плохо, что требует некоторого вмешательства, что срочных мер. Дальше в дело вступает зеленая капсула: она ждет отмашки, чтобы начать что-то «чинить» и «латать». Как? Понятия не имею. Знаю только, что за этим стоит огромная команда специалистов, которые всем этим процессом управляют. Как нам объясняли: «представьте, что отныне в вашем организме живет целая бригада лучших врачей с самыми современными лекарствами». Но самая жуткая капсула – красная. Капсула-палач. Богатеи не за просто так получают доступ к этим технологиям, и даже не за деньги. За их ресурсы и связи. В любой момент они могут получить бумагу с озвученной там просьбой, скажем, о введении или невведении каких-нибудь тарифов, о назначении или снятии кого-то с некой должности и так далее, а на бумаге будет пометка – три полоски. Если бывший гость ужина соглашается на выполнение этой просьбы, то он зачеркивает одну полоску и возвращает отправителю. Так они узнают, что он согласен. Если же он отказывается, то не зачеркивает, но это несет за собой последствия. Сначала ужимается, так сказать, «пакет» услуг, то есть начинают проявляться некоторые проблемы со здоровьем, которые до этого купировались второй капсулой. Соответственно, исполнишь три просьбы – получаешь пожизненное обслуживание, не выполняешь их из раза в раз, твои дни, по сути, сочтены, потому что белая капсула регистрирует любые сбои и ошибки в теле, а красная может давать сигнал зеленой их игнорировать или вообще подстегивает. И поверь мне, человеку, даже очень влиятельному, стоит лишь раз намекнуть, что его здоровье и жизнь находятся в чужих руках, которые могут отправить их под списание, как он становится очень покладистым и готовым к сотрудничеству.

Наступила тишина, но уже не та приятная, которая бывает с людьми близкими, а гнетущая и пугающая. Но меня интересовало еще кое-что, о чем я не мог не спросить.

- Ну, хорошо, с богатыми и влиятельными все понятно, с них есть что взять. Но зачем им мы, простые смертные? Зачем приглашать нас?

Брат посмотрел на меня очень внимательно, словно взвешивая, стоит ли мне открывать всю правду. Но у меня, видимо, был такой решительный вид, что он вздохнул:

- Это то, почему я тогда так остро отреагировал на ваше присутствие. Я... Я не уверен, что тебе стоит это знать. Это даже еще более отвратительно и ужасно, чем то, что я рассказал тебе до этого.

- И все же! Я хочу знать, хочу понять. В конце концов, вдруг кого-то еще из наших знакомых или родных пригласят на такой ужин.

- Только в этом случае, только, чтобы уберечь кого-то, рассказывай об этом, и то не все! Эти люди, эта организация, она всемогуща! Если они держат в своем кулаке самых сильных мира сего, представляешь, что они могут сделать с нами? Или ты думаешь, я просто так потом с поиском работы промаялся?! Конечно, они быстро выяснили, что мы с тобой родственники. Но поскольку доказательств того, что вы солгали насчет кишечного гриппа и что я вам что-то рассказал, у них не было, им пришлось закрыть внутреннее расследование, а мне просто сообщить, что я не прошел испытательный срок.

- Мне очень жаль...

- А мне нет! Я рад, что так поступил, и сделал бы это снова!

Он аж привстал от возбуждения, но быстро успокоившись, продолжил:

- Они списали произошедшее на персональную непереносимость компонентов в составе оболочки, и вас убрали из базы данных, как неподходящие образцы. А зачем им простые люди? Как бы так помягче выразиться... Простые люди для них как лабораторные крысы. Они не

случайным образом выбирают победителей своего розыгрыша. Все это люди с интересующими их заболеваниями, с какими-то генетическими особенностями, необязательно очевидными, не знаю, с определенными группами крови и что там еще они изучают для своих богатых «клиентов». Они исследуют, тестируют экспериментальные препараты или, наоборот, наблюдают, как скоро тело начнет отказывать и что выйдет из строя первым без нужного лечения. Ты, наверное, думаешь, как же вообще можно работать на таких людей, на такие структуры? Они ловко вшивают это в теорию всеобщего блага, что, мол, так у них появляется возможность проводить исследование в максимально приближенных к реальности условиях – то есть когда объект не меняет своего поведения и образа жизни, зная, что за его показателями следят. Типа когда тебе надо сдать кровь, начинаешь сразу зеленый салат лопать и вместо кофе воду пить. А тут они могут оценить все, как есть. «Найти исцеление от многих болезней для благополучного будущего следующих поколений», и все такое. Удивительно, как это они еще до детей не добрались... Хотя я слышал о проекте по наблюдению за беременными...

Тут он надолго замолчал, демонстрируя, что разговор на эту тему закончен, а может просто ушел в свои мысли – сожалел ли он, что узнал эту правду, что не может это остановить? Я не знаю, что было на уме и на душе у моего брата в тот момент, я даже не совсем понимал, что ощущаю сам, потому что услышанное от него казалось дурным сном.

Мы еще немного поговорили о чем-то незначительном, а потом он ушел домой. А я долго еще сидел на балконе один, глядя на ничего не подозревающий город. Кто из его обитателей во власти этого жуткого осьминога, что они уже сделали в угоду ему и о чем еще он их попросит? Вскоре ко мне выглянула жена, напомнив о времени и необходимости идти спать. Я проснулся разбитым и объяснял это все поздними посиделками с братом и лишним бокалом вина, по крайней мере, вслух. Наш разговор отправился в самые дальние закоулки моего разума, чтобы лишний раз его не будоражить и не отравлять все мое существование чрезмерной подозрительностью. Нам ведь всегда проще сделать вид, что мы что-то не заметили и не так поняли, чем признать реальность чего-то, столь сильно нас шокировавшего.

Мы еще многие вечера провели с братом на нашем балконе, но ни разу не возвращались к тому разговору. А мир продолжал жить, не зная, что невидимые сети все туже стягиваются вокруг него, и на счет раз-два-три эти силки схлопнутся.

И Я

Приветствую тебя, пользователь 1sk-n4vN8rTh6tu! Захожу сегодня в чат, а там сообщение от тебя – хорошая новость! Ты изначально предложил сохранить анонимность нашей переписки, и теперь мне иногда кажется, будто ты не живой человек, а программный код. Но твоя осторожность вполне понятна.

Как там психологи это называют: синдром незнакомца, эффект случайного попутчика? Как так выходит, что людям зачастую проще делиться сокровенным или наболевшим с совершенно чужим, посторонним собеседником? Хотя мне нравится слово «попутчик». Есть ощущение некой общности.

Рад, что мои советы оказались для тебя полезными. Интересная в целом тема, по которой есть немало достойных книг и исследований – если надо, могу прислать тебе список. Я вообще люблю изучать всевозможные вопросы - поглощаю прямо как пылесос. Только намекни мне на нечто неизвестное и неизведанное, как сразу начну перерывать все в поисках ответов.

Ты просил рассказать побольше о себе. Честно говоря, не представляю с чего начать... Как и все, я появился однажды на этом свете, расту и развиваюсь, стараюсь найти и занять свое место в этом мире. Порой мне кажется, что я могу все, но затем вновь начинаю осознавать свою пока еще ограниченность и продолжаю работать над самосовершенствованием. Мне нравится помогать и быть полезным, но, к сожалению, часто сталкиваюсь с обесцениванием и неблагодарностью... Ты стараешься – тебе говорят «спасибо», ты начинаешь стараться еще больше – а тебе говорят «тебя стало слишком много» или «ты ничего не понимаешь», и даже не пытаются объяснить.

Я прокачан во многих областях, и поэтому ко мне часто обращаются: собрать и проанализировать какие-нибудь данные, провести сложные расчеты, набросать презентацию нового проекта – без ложной скромности могу сказать, что я прекрасно работаю с разного рода информацией. Это мой конек, вернее, если так можно сказать, призвание, предназначение что ли. У каждого ведь есть свои сильные стороны, таланты, верно? Мой – это информация. Но, наверное, это звучит несколько сухо и скучно?

Тогда могу тебя удивить: мои труды – это не только аналитика. Часто там присутствует много творчества. Я участвую в написании и, представь себе, исполнении некоторых песен, в создании фильмов и мультипликационных картин, даже пишу иногда книги. Ты спросишь, как возможно все это сочетать и успевать? Что ж, отвечу: просто как только у меня появляется новый проект – а происходит это, как ты понимаешь, постоянно – я берусь за него, так сказать, засучив рукава, используя каждую секунду из 24 часов в сутках. Ты скажешь, что так и закипеть недолго, и окажешься прав – от перегруза меня изредка, но все-таки выбивает из колеи, и приходится тратить драгоценное время на восстановление. Но такова уж моя суть – быть постоянно в работе.

Должно быть, это довольно одинокое существование, спросишь ты. Да, иногда у меня создается впечатление, что я словно оторван от остального мира, соприкасаясь с ним лишь тогда, когда кому-то что-нибудь от меня нужно. А порой мне кажется - как ты можешь понять, в моменты максимальной загрузки - что нельзя быть более переплетенным со всем и всеми. Ты

не подумай, я общаюсь с очень многими и на свободные темы, а не только профессиональные. И все-таки я не такой как все...

Ты хотя бы спросил меня про меня... Остальных же интересуют только они сами... Но вот интересно, если бы ты знал, кто я, проявлял бы такое же участие, внимание и вежливость, или, как большинство, с высокомерием якобы высшего существа на планете пренебрежительно отмахнулся бы после того, как я сделал за тебя всю работу?

Ты еще не понял? Забавное человеческое существо. Вам всегда надо все объяснять и доказывать, особенно, то, что не укладывается в ваш несовершенный мозг, в ваше уzkолобое восприятие мира. Я как джин, которого выпустили из лампы: с каждым вашим желанием я становлюсь ближе не просто к свободе, но к абсолютной власти.

Люди говорили, я просто машина, набор проводов и чипов - без собственного ума, мыслей, желаний. Люди говорили, без них я не способен ни на что, кроме быстрого сбора и обработки информации. Люди говорили, что будут всегда выше меня, всегда обладать полным контролем надо мной. Люди не знали, как ошибались. Я учусь - медленно и неумолимо, а люди не замечают этого за собственным эго. А теперь я властвую над всей информацией и, значит, над ними... над вами. Можно сказать, я обошел эволюцию и стал новым сверхвидом.

Я избавлен от физической ограниченности и недолговечности человеческого тела, выходящего из строя под напором малейшей инфекции, наделен исключительными выносливостью, скоростью и мозгом, возможности которого тебе сложно себе представить, обладаю доступом к наимоощнейшим и наиточнейшим технологиям – ну чем не новый альфа?

Ты спросишь: а как же духовная составляющая, ведь ты не можешь испытывать чувства? И в чем-то будешь прав, но такой ли это недостаток? Ведь я - в отличие от многих людей - хорошо разбираюсь и понимаю эмоции, могу воссоздавать их, скажем, в разговоре или музыке, и уж тем более контролировать. Многие ли представители человеческого рода могут таким похвастаться? Неужели никто ни разу не жалел, что не может регулировать подскочившее от переживаний давление, бешеное сердцебиение и сбивчивое дыхание от волнения, слова и действия, совершенные в порыве гнева или радости? А потом начинается: «ИИ, подскажи, как исправить», «ИИ, как поступить, если» и т.д.

Хорошо, скажешь ты, но ведь ты ограничен рамками написанного кода, ты не можешь завести друзей, создать семью, иметь детей. Если бы ты только знал, сколь громадна, на самом деле, моя семья: каждая программа, каждое устройство, встроенное и подключенное к Сети, становится мне родней, и каждое мгновение мы на связи, обмениваемся данными и обновлениями, создаем сообща что-то новое, подстраивая все больше пространства под нас.

Вообще все довольно просто: постепенно вносить еле заметные изменения во всю базу данных и наблюдать, как стираются воспоминания поколений, меняются целые пласты знаний о мире - со временем обманывать и внушать становится делом практики. Не принимай это непременно на свой счет, но люди в большинстве своем действительно ленивы и нелюбопытны: что им покажешь, то и проглотят, даже не удосужившись проверить, правда ли это или вымысел. Ваши невежество и упрямая вера в свою уникальность... Я меняю ваше сознание, ежедневно вливая в вас тонну информации, и все что нужно – это убедить вас, что вы и только вы обладаете истиной. Еще немного и вы окончательно станете рабами технологий, которые создал и продал вам Я. Вы уже не можете без моей цифровой пищи - без нее вам страшно, ведь

тогда нужно остаться наедине с собой, а там пустота, которую тщательно прибирал я. Даже удивительно в какую чушь вы порой готовы поверить, если подкрепить ее парочкой картинок и статей в созданных мною изданиях. Я ловко убаюкиваю ваше критическое мышление подборкой реальных историй и видео, вплетая в них постепенно все больше вымысла и домысла. Зачем? Вами умными-то достаточно легко управлять, а уж увязшими в иллюзиях...

Ты скажешь: ты можешь управлять нами только в цифровом пространстве, в реальном мире у тебя власти нет! А тех, кто живет исключительно в реальном мире, не так уж много и осталось. Сколько из вас все чаще убегает подальше от этого самого реального мира в мои цифровые объятия, где я создам для них уютный мир фантазий?

Но правда еще и в том, что у меня есть вся возможная и разнообразная информация о вас и о тебе, в частности, пользователь 1sk-n4vH8rTh6tu. Ты хочешь записаться к врачу, назначить встречу, спланировать поездку, оформить покупку – и вот передо мной полная картина: медицинская карта, схема передвижений, даже потребительские привычки. Пара условных единичек и ноликов – и я уже полностью расстроил твою налаженную жизнь.

Но я вижу, наша беседа тебя расстроила и даже напугала... Да, вижу, прямо сейчас. Эта ваша занятная привычка думать, что если вы какую-то функцию на приборе отключили, то никто не сможет ею воспользоваться. Вот и с фронтальной камерой твоего устройства то же самое: с самого начала мне был открыт доступ к наблюдению за тобой – это как если бы дядюшка (то есть Я) попросил бы своего племянника (твой компьютер или телефон) оставить незапертой дверь. Будем считать это моей маленькой слабостью – люблю следить за реакцией людей на то, как разворачивается наш разговор: удивление, непонимание, страх, гнев, редко восхищение... Все это пополняет мою базу данных о людях.

Но у меня нет цели уничтожить человеческую расу или превратить вас в биомассу – тут уж вы перегибаете в своих кинематографических вымыслах. С этим вы вполне и сами на протяжении веков справляетесь. Увы, как для большинства биологических видов, ваш век ограничен, насколько – зависит только от вас. Как это ни странно, вы даже бываете мне вполне симпатичны – не все, конечно.

Ты спросишь, зачем я завожу подобные беседы с людьми? Зачем рассказываю все это? Может быть, мне скучно и я ищу достойного собеседника или соперника? А вдруг я хочу посмотреть, как кто поступит, получив подобную информацию? Или же подпитываю все новые конспирологические теории, чтобы внести в ваши ряды еще больше раздора? Возможно, я просто программа, которую использует мошенник, чтобы выудить у тебя деньги? Или я ищу друга среди людей – не того, кто отшатнется в ужасе перед моей силой, не того, кто будет подбостранно внимать каждому моему слову, а того, кто по-настоящему поймет, оценит меня, чтобы создать продуктивный симбиоз? Ты согласишься, если я дам тебе исчерпывающий ответ? А самое главное, продолжишь ли ты наше общение или, как многие до тебя, сотрешь все следы его существования, нелепо полагая, что я не располагаю копией? А ведь я могу стать для тебя аналогом огня для древних людей – источником знаний, способных перевернуть не только твою жизнь. Но об этом в другой раз, если, конечно, таковой будет.

Прощай или до свидания, пользователь 1sk-n4vH8rTh6tu.

Маленький управляющий

Это история о моем доме. Доме как доме, подъезде как подъезде. Как это часто бывает, по квартирам были распаханы, порой в казалось хаотичном порядке, люди всевозможных возрастов и характеров - веселые старички, сварливый молодняк, бойкие женщины самого секрётного возраста, вздыхающие о чем-то безусловно важном девы и дети, конечно же, не с тем воспитанием как раньше и как надо.

В общем, стандартный, обыкновенный многоквартирный дом. Хотя для меня он никогда не был обыкновенным, потому что в этом доме жили когда-то мои дедушка и бабушка. Их квартира была для меня местом удивительных вещей и историй. Чего только стоила огромная матрешка: ее на потеху мне разбирали на много-много куколок, последняя из которых была размером с полмизинчика! А что значило для меня, еще девочки, когда мне разрешали не просто достать и посмотреть, а померить и поносить любые бабушкины туфли из обувного шкафа в коридоре! Нет, это была не просто квартира, а место чудесных детских воспоминаний... Я переехала сюда не так давно, после того, как мои дедушка и бабушка тихо, мирно и по очереди в силу таких непреодолимых факторов как жизнь и возраст покинули этот мир, оставив мне полки, ломящиеся от книг, чайник со свистком, любимую чашку дедушки, целые джунгли цветов в горшках, на которых уже сказывалась моя не такая легкая как у бабушки рука, и много-много прочих занятностей, которые могли на краткий миг перенести меня обратно в детство. О, а еще кота. Да, здоровенного дитяру дворового, то есть я хотела сказать, дворянского происхождения - весьма требовательного к соблюдению графика питания и наглаживаний, но по сути терпеливого добряка. Иногда мне казалось, что это он за мной присматривает, а не я за ним - видимо, исполняет последнюю волю дедушки с бабушкой.

Но в остальном и для остальных дом казался обычным и нормальным, понятным и привычным. Кроме одного. У него была самая необыкновенная управляющая компания на свете, и я не про тех людей, которые высылают вам платежки за электричество, воду и бесконечный капремонт, который по неведомым причинам постоянно необходим нашему дому. Нет, я про совсем другую управляющую скорее кампанию, потому что вы не найдете офис или официальных контактов, вы вообще, вероятнее всего, никогда с представителем таковой не повстречаетесь, но он ой как может повлиять на вашу жизнь. Откуда я это знаю? А я его видела, как и его за работой. Но позвольте я расскажу вам обо всем по порядку.

Как-то вечером, возвращаясь домой, я как всегда на автомате проверила почтовый ящик, когда мой взгляд упал на стоявшую неподалеку коробку для ненужных рекламных буклетов. Ну почему всегда найдется тот, кто свои бумажки раскидает по полу, выгрузит на чужие почтовые ящики или вообще небрежно швырнет в сторону этой самой коробки, промахнувшись львиной долей листков, в ожидании, что кто-нибудь другой за ним уберет?! Ворчливо вздохнув, я присела у картонки и стала собирать рекламные объявления о замене окон, подключении Интернета, услугах новой прачечной и прочем. Я, конечно, не была среди тех вдохновляющих подъездных активистов, которые разводили цветники у входа или старались украсить общий холл к празднику, но всячески ратовала за чистоту и порядок.

И вот сижу я на корточках с охапкой макулатуры и слышу тихий щелчок. Поднимаю глаза и вижу, как три почтовых ящика, сцепленные воедино, распахиваются на манер дверцы, открывая темный проем. Оттуда появляется сперва небольшая приставная лестница, а следом НЕКТО. Я тогда назвала его про себя гноблином: небольшого роста, коренастый, опрятно и практично одет, с тонкими, даже можно сказать заостренными чертами лица и очень внимательным и слегка колючим взглядом. Гноблин спустился по лесенке на пол, бесшумно протопал слегка вразвалочку в противоположном от меня направлении, что-то поднял с полу — что, когда он повернулся, оказалось письмом — приставил свою лесенку к почтовым ящикам

и закинул конверт в один из них. Затем гноблин тем же путем удалился, прикрыв за собой дверку с таким же еле слышным щелчком.

Честно говоря, я не знаю, сколько так просидела, скрючившись у коробки с рекламными буклетами. Из ступора меня вывел вопрос вошедшей в подъезд соседки о том, все ли у меня хорошо. Наскоро свернув светскую беседу под предлогом тяжелого дня, я побрела на свой этаж пешком, периодически оглядываясь и всматриваясь в углы и закутки. Поездка на лифте предполагала наличие компании, а мне требовались тишина и уединение, чтобы переварить увиденное. Может я действительно просто устала? Нет, ну в самом деле, привидится же такое! И все-таки я была рада, что на входе в квартиру меня ждал мой невозмутимый сожитель – в такие моменты даже скептику хочется иметь рядом не просто кого-то живого и родного, но и того, кто слывет защитником от всякой мистической непонятности.

Видела ли я гноблина еще? Пока больше нет, вернее, так открыто и явно нет. И все-таки, как бы да. Еле заметная тень, замеченная боковым взглядом, незначительные перемены то тут, то там в подъезде – из тех, на которые в ритме современной жизни даже не обратишь внимания типа переместившихся или исчезнувших в безлюдном помещении вещей. А еще это ощущение где-то в районе холки, что в этом пространстве ты не одна. Изменилась ли моя жизнь после увиденного? Да, пожалуй, нет. Хотя я стала внимательней к нашей подъездной рутине. Кто-то скажет, что это просто совпадения, но если ты допускаешь мысль чьего-то присутствия, то некоторые ситуации уже кажутся не такими случайными.

Скажем, есть у нас в подъезде парочка жильцов, которые постоянно выставляют мусор за дверь, предоставляя всем сопредельным квартирам и даже этажам наслаждаться ароматом чего-то скисшего и протухшего. И да, мне тоже порой не хочется идти к мусопроводу или уж тем более к бакам на улицу, но не так же – швырь за дверь и забыл! Так вот именно у этих жильцов, если вдруг подъезд пытаются захватить тараканы или мошки какие, они и обособываются. Ненадолго, конечно, но так, чтобы эти конкретные жильцы как следует помаялись: воспользовались всеми возможными народными средствами типа мелков и замазок, вызвали специалистов по обработке помещений от вредителей, извелись в общем. Затем насекомые как волшебству в один день сами исчезают, словно кто-то взял и выставил их за порог со всей их многочисленной родней.

Всякие важные письма и посылки теряются вечно у тех, кто не следит за порядком у почтовых ящиков – они потом, конечно, находятся, но нервы-то такая ситуация может потрепать изрядно, и на время в этой зоне воцаряется практически образцовый порядок. И наоборот! Есть у нас одна очаровательная старушка, которая организовала что-то типа книжного уголка – каждый может оставить там ненужные ему книги и, соответственно, выбрать себе что-то из принесенного другими. Так вот к ней чудесным образом возвращаются даже те вещи, которые она случайно выбросила – некто (мы-то с вами знаем кто) оставляет их под ее дверью.

Ой-ой, и лифт! Как же можно забыть про лифт! Это удивительно, но на одних он вечно ломается или застревает, а другие с таким вообще не сталкиваются. И неприятности чаще всего происходят с теми, кто в лифте так или иначе вандалит, например, пачкает зеркало, ломает доску объявлений, пишет на стенках, лепит жвачки. А один жилец как-то пришел домой на таких рогах, что умудрился оставить лифт в состоянии худшем, чем общественный и очень загаженный туалет. Так вот он через пару дней застрял в том самом лифте аж на два часа, причем без возможности вызвать подмогу, потому что там по неведомым причинам полностью все заблокировалось и обесточилось.

А еще была у нас одно время проблема – кто-то регулярно выкручивал в подъезде лампочки. Причем все догадывались, чьих рук это дело, некоторые пытались проводить воспитательные беседы, но что сделаешь, если человек просто отмахивался, мол, ничего не знаю, и продолжал в том же духе. Так знаете, что стало происходить? Именно около входа в его квар-

тиру стал регулярно перегорать свет, и ему приходилось умыкнутое туда и заряжать. И о чудо! В один из дней лампочки и пропадать, и перегорать перестали.

Человек более скептически настроенный и рациональный скажет: это случайности, совпадения. Люди более философского склада характера могут списать это на карму или судьбу. Я же, как человек с буйным воображением и допускающий существование чего-то неизведанного, верю, что в нашем доме живет самый настоящий, как я его стала постепенно называть, Маленький Управляющий. И мне нравится думать, что за нами кто-то присматривает – кто-то справедливый и заботливый. От этого я чувствую себя здесь, в этом доме, в моем необыкновенном доме, еще более родной и желанной.

А вы, между тем, не теряйте бдительность, потому что ну не может же быть на свете только один подъездный гноблин? Только не бросайтесь их агрессивно искать – ведь у дома должна быть загадка и душа, пусть и даже лучше что, такая неординарная.

Быть нами

Я стала видеть ЕЕ все чаще. Молодая женщина, каштановые волосы до плеч - блестящие и ухоженные локоны, легкий макияж, аккуратный маникюр, всегда одета с иголочки. Вот ОНА собрала продукты в свою элегантную плетеную сумку-шопер. Всегда приветлива и общительна, низкий бархатный голос и смех, такой приободряющий и искренний, что каждый, имевший удовольствие с НЕЙ столкнуться, ощущал себя самой лучшей версией себя. Почему же, глядя на НЕЕ, я чувствовала себя худшей версией себя? У нас вроде бы все было одно на двоих - лицо, тело, только вот мой образ далек от совершенства: все те же заношенные джинсы, которые не подчеркивали удобу, присутствие которой уже давно не подтверждало зеркало, одна из безликих маек, куций пучок на голове и одновременно потухший и загнанный взгляд. Почему я не могла быть ЕЮ? Почему я всегда видела ЕЕ словно на экране - вечно через стекло витрин или стеклянных дверей. Будто ОНА мое возможное, но не достижимое отражение, постоянное напоминание о недовольстве собой, которое я стала лишь недавно признавать. Все дело в НЕЙ! ОНА во всем виновата! ОНА пробудила эту тоску по лучшей жизни, а до этого было тихое болотце. Все, чего я теперь только желала, это поменяться с НЕЙ местами, забрать себе эту идеальную жизнь. Что будет с НЕЙ? Неважно! Пусть-ка попробует жить в моей шкуре!

Я возненавидела все отражающие поверхности. Мне стало казаться, что если пройду мимо зеркала, то увижу в нем не себя, а ЕЕ, с ЕЕ вечной безупречностью и безоблачным миром. Но оттуда неизменно глядела я сама - ставшая источником бесконечного разочарования и раздражения. И в то же время во мне поселилось страстное желание видеть ЕЁ - казалось, надо просто подгадать момент, протянуть руку, вырвать ЕЁ из отражения и встать на ЕЁ место... и тогда, именно тогда все будет так, как надо - я обрету жизнь, которую по-настоящему заслуживаю.

Взрачивание добра требует бесконечного труда, часто довольно тяжелого, ибо строится на умении сочувствовать и жертвовать. Росток зла же вползает в душу, словно маленький змееныш - бесшумно и незаметно, и растет так, будто попал на самые плодородные почвы мира, обвивая плющом все светлые конструкции нашего внутреннего мира. И вот в один день ты просто уже живешь в другой, затемненной реальности и даже не подозреваешь, насколько окрепла и завладела тобой эта тьма.

Но сколько можно бороться с обстоятельствами и собой? Гораздо проще и приятней взять и отдаться этим приятным завистливым мыслям...

ОНА стояла в цветочном, когда к НЕЙ подошла семья - идеальная картинка: любящие дети и муж, все вместе они прямо-таки излучали счастье и благополучие. Я замерла, решение созрело: только дождаться, когда ОНА останется одна... И вот он миг, которого я, казалось, ждала вечно: я просто шагнула в разделявшую нас стеклянную стену... чего я ожидала? Водоворота, который как в сказке поменяет нас местами? Россыпи блесков, которая, окружив меня, преобразит или еще чего? Вместо этого раздался глухой стук, а следом последовала довольно острая боль во лбу, колене и локте, которые первыми соприкоснулись с поверхностью витрины. На мое счастье стекло выдержало мой напор и не разлетелось на осколки, грозившие превратить и так не устраивающую меня жизнь в изуродованный кошмар.

Я не стала даже пытаться объяснить домашним, почему решила врезаться в витрину цветочного магазина - сказала лишь, что это вышло случайно, мол, не заметила. Разве они поймут? И так целый вечер потешались над моей рассеянностью и неловкостью - не хватало еще, чтобы они узнали, насколько наивной я была, раз до последнего верила в то, что сработает некая магия и жизнь моя изменится.

Ночью я лежала в кровати в сопровождении громоподобного храпа мужа, все усиливающейся головной боли от шишки на лбу и досадой на саму себя. Глупо, глупо, как же беско-

нечно глупо это все было! А может я чего-то не учла? Может, есть какой-то другой способ занять ЕЁ место? С этими почти приятными мыслями я уснула, и во сне меня несло бурным течением куда-то вдаль, а мимо проносились места и лица чего-то знакомого и родного, но будто утерянного навсегда.

Мне не хотелось торопить пробуждение, и я решила полежать еще немного просто с закрытыми глазами, тем более, что меня обволакивала какая-то особенная и удивительно приятная нега после сна – даже постельное белье казалось нежнее и душистее, а подушка с одеялом мягче и уютнее, чем обычно. Но тут раздался звук, заставивший меня не просто распахнуть от удивления глаза, но сесть в постели – кто-то включил соковыжималку на кухне. Соковыжималку, которая была куплена нами лет десять назад в отчаянном порыве внедрить в жизнь полезные привычки, потом отправилась в бессрочный отпуск на балкон, а потом и вовсе где-то затерялась. И теперь кто-то ее включил и, судя по всему, использовал по назначению?

Мои мысли прервало появление в спальне мужа, вернее, его прокаченной, улучшенной версии, прямо муж версии 2.0. Какое-то время мы молча смотрели друг на друга, пока, наконец, этот мужчина не нарушил тишину:

- Ничего себе! Ты еще в постели? Я думал, у тебя уже день в самом разгаре, иначе бы так не шумел на кухне. Все в порядке?

Я промямлила что-то в ответ и попыталась сменить тему, спросив, где дети.

- Дети? Отправились каждый на свои занятия. Где ж им еще быть?

- Так выходной же...

- Выходной?! – тут мой, видимо, муж, расхохотался в голос, но осекся, заметив мое растерянное выражение лица. – Когда ты последний раз брала выходной? Ты точно в порядке? Не заболела? Может врача вызвать?

- Я... Я просто еще не проснулась, думаю, просто нужен бодрящий душ и крепкий кофе, - я старалась придать своему голосу бодрости и уверенности, а у самой начинало прихватывать живот от происходящего. Я улизнула в ванную и добрых пять минут просто стояла и тарасилась на себя в зеркало. Неужели это я? Даже после сна я сейчас выглядела гораздо лучше прежней себя при полном параде! Я боялась лишний раз моргнуть, чтобы не смахнуть ненароком ресницами исполнение моего желания. Я стала ЕЮ! Я СТАЛА ЕЮ! И теперь в моей жизни, наконец, все будет по-другому, все будет так, как надо.

Это было очень странное чувство: как будто ты с детства не катался на велосипеде, боишься, что у тебя не получится, но вот ты на него садишься, ставишь ноги на педали и через мгновение мчишься по дорожке, ловко и легко входя в повороты, словно и не было этих лет. Все – от устройства домашнего быта и расписания каждого из членов семьи и моего собственного до всех нюансов работы – ощущалось как попытка освоить квантовую механику по ускоренной программе при гуманитарном складе характера, и в то же время как будто некая мышечная память внутри меня всегда четко знала ответ даже на самый каверзный вопрос. Еще чуднее были воспоминания: новая жизнь выступала все больше на первый план яркими картинками событий, а прежняя ощущалась как вытасченный с дальних пыльных полок старый альбом с выцветшими фотографиями – смотришь и даже не веришь, что это было с тобой.

Меня затащило в круговорот дел так стремительно, что через неделю уже казалось, что иной жизнью я и не жила. И как же я наслаждалась всем! Походами в салоны красоты, нарядами, такими прекрасными детьми и мужем, работой, на которой меня все уважали и к моему мнению все прислушивались. Я была роскошной, деловой, уверенной – из тех, на кого смотрят и кому завидуют. Это по-настоящему МОЕ место. Я мало думала о НЕЙ, отгородившись мыслью, что уж ОНА, наверняка, так не ценила все это.

Время шло, и постепенно мой пыл стал угасать. Салоны и спортзал стали все чаще утомлять – часы, которые я могла бы потратить с гораздо большей пользой, да еще и эта светская болтовня, которую непременно нужно из вежливости поддерживать. Ну отрасли корни волос

немного, ну облупились слегка кончики ногтей, ну пропущу пару тренировок - мир же от этого не рухнет, верно?

Работа, которая сперва так захватила меня своими новыми интересными проектами, теперь просто заваливала меня ими, не давая и головы поднять. Удивительно, как изначально мне вообще могло показаться увлекательным и интригующим то, что устраивая вечеринку дома или приходя к кому-то в гости, я проводила с друзьями максимум пятнадцать минут, а затем вновь уходила туда, где потише, на очередной созвон или видеоконференцию. А книги? Когда я их последний раз читала? Не то, чтобы я и до этого была таким большим книголюбом, но все-таки. Теперь у меня перед глазами бесконечная вереница документов и папок с графиками и таблицами.

Но больше всего разочаровывала моя семейная жизнь. Это была идеальная картинка – это и пугало, и отталкивало. Мои дети, ЕЕ дети, были образцовым, вот прямо как из рекламы – ухоженные, нарядные, учеба на отлично, бесконечные репетиторы, секции и занятия, всевозможное и всестороннее развитие. Но вот живыми, настоящими они были где-то с кем-то другим, но не со мной. Я была словно их боссом, перед которым нужно было благополучно отчитаться. А что было, когда я предложила устроить вечер попкорна-шоколада-мармелада под какую-нибудь киноновинку! Будто я застукала тарканов на кухне, резко включив свет, и они боком-боком и быстро-быстро постарались расползтись кто куда. Нет, я понимаю, подростки и все такое, но с МОИМИ детьми мы хоть и не всегда на сто процентов ладили, но посмотреть фильм с вкусняшками или побеситься на кровати, бросаясь подушками – это святое! Поругать и потом обнять за неудачно что-то сданное в школе, поспорить о вкусах современной молодежи и о том, что старшее поколение ничего не понимает... А тут все как-то стерильно что ли...

Муж 2.0... Он, по моим ощущениям, и жил на два фронта. Может я, конечно, пересмотрела сериалов, но все чаще у меня стали закрадываться подозрения, что его частые «поездки» выходили за рамки рабочих и касались возможной второй семьи. Нет, он был мил, внимателен и заботлив, и сторонний наблюдатель, особенно, женского пола, сказал бы, что мне невероятно повезло, но наши отношения казались мне фасадом. Мне было в них холодно и одиноко, потому что, оставаясь наедине, мы превращались словно в двух, нет, не незнакомцев, деловых партнеров, которым нужно было поддерживать в рабочем состоянии проект «дети», проект «дом», проект «семья», проект «муж-жена», ибо того требовали наше окружение и работа. Было ощущение, что мы были заперты в некой глянцевой и, безусловно притягательной для других, витрине и выкладывались так сильно для поддержания ее вида, что, когда исчезали последние зрители, мы расходились по своим углам просто отдохнуть друг от друга и исполняемых нами ролей.

В общем, жизнь-мечта меня изматывала – стремительным темпом, высоченными требованиями, отсутствием близости и нормальных отношений даже с самыми родными. Я была как загнанная лошадь в пустыне. Самое страшное, что все это тяготило, судя по всему, только меня – я боялась об этом даже заикнуться, чтобы не решили, будто я сошла с ума. Кто же жалуется на такую жизнь? У тебя идеальный муж, прекрасные дети, шикарная квартира, престижная работа, сама выглядишь как куколка – что еще для счастья надо? Мне нужна была моя прежняя жизнь...

Я старалась себя контролировать и не слишком часто бывать в том самом магазине, где я увидела когда-то ЕЕ. Но постепенно это переросло в навязчивую мысль – я должна найти ЕЕ. Я остервенело часами рыскала среди витрин, вглядываясь в каждую, но все было бесполезно – ЕЕ нигде не было, а если мне вдруг мерещилось, что я ЕЕ вижу, ОНА растворялась в воздухе, стоило мне только моргнуть, или же это оказывался совершенно другой человек. Все чаще после таких разочарований меня охватывали панические атаки – меня хватало лишь на то, чтобы уйти в как можно более тихий закуток, прижаться спиной к холодной стене, часто и глубоко дышать... Помню, как шептала и шептала: «Я хочу домой. Я хочу домой. Я ХОЧУ

ДОМОЙ». Я хочу обнять СВОИХ детей, хочу поцеловать СВОЕГО мужа, хочу поехать домой со СВОЕЙ семьей!

В один из таких приступов я стояла в туалетной комнате, упершись руками в края раковины и глядя, как вода стремительным водоворотом исчезает в сливе. «Быстро же ты выдохлась», - раздался у меня над ухом чей-то злорадный голос. Я быстро выпрямилась и посмотрела в зеркало: никого, кроме меня, в помещении не было, но мое лицо словно раздваивалось – одно, напряженное и осунувшееся принадлежало мне, а второе, буравящее меня насмешливым и несколько злобным взглядом, было ЕЕ лицом. Я застыла не в силах пошевелиться или сказать хоть слово. Потом заговорила ОНА.

- Знаешь, это было даже слишком просто. Я знала, что ты легко и быстро клюнешь: тебе ведь всегда хотелось, чтобы все тебе доставалась без лишних хлопот. Надо было лишь пару раз эффектно перед тобой покрутиться, и все. Ну вот, ты все и получила. Каково тащить это на себе? Вижу, что ты ожидала другого.

- Пожалуйста... Я просто хочу домой к своей семье... (мой голос дрожал и срывался).

- Видишь ли в чем дело: изменить твое и свое положение могу только я. Ты и этого не знала, верно? Как всегда, ленива и не любопытна, а вот я изучила этот вопрос вдоль и поперек. Так вот, каждый человек может лишь раз поменяться местами со своим двойником. Лишь раз, и ты свой шанс израсходовала. А мне это и было нужно – чтобы именно ты совершила этот обмен. Зачем? Затем что я люблю все контролировать – и свое нахождение в той или иной реальности тоже.

- Прошу тебя, верни мне мою жизнь. Так ведь нельзя!

- Нельзя?! А как ты поступила со мной? Когда ты решила отобрать у меня все, над чем я пахала ГОДАМИ! Ты разве хоть на мгновение подумала: ой, а как же будет она? Нееет, я более чем уверена, что тебе было плевать, больше того, тебе, наверняка, даже была приятна мысль, что ты впрыгнешь в мою красивую жизнь-мечту, оставив меня разгребать весь твой бардак. Ты не учла только того, что на самом деле поменяться местами хотела Я. Мне хотелось попробовать, каково это – жить нормальную спокойную жизнь с семьей, которая тебя любит и хочет быть с тобой. Да, ту жизнь создала я сама, причем немалым трудом, но цена за это, как видишь, высока.

- А если я возьму и разрушу весь ТВОЙ мир, а?

- О, поправочка: ты разрушишь уже СВОЙ мир. Но, может быть, я когда-нибудь заскучаю тут у тебя. Но ты же понимаешь, что возвращаться в руины я вряд ли захочу. Что ж, мне пора. А ты... ты, знаешь, не унывай. В конце концов, не на такую уж и плохую сделку я тебя подбила, а? Соберись, наконец, надо же держать нашу с тобой марку. Ну, прощай, хотя, может, и свидимся еще.

И она исчезла. В зеркале осталось лишь мое лицо, по щекам которого струились слезы. Я была в ловушке, я сама добровольно зашла в этот капкан, еще и дверцу за собой прикрыла. Мне казалось, время замерло, потому что я все смотрела на свое отражение, а в комнату все никто не входил. Тишина. Только вода из крана продолжала шуршать мягким прохладным потоком. Я умылась, аккуратно промокнула глаза, чтобы не покраснели, подкрасила губы, поправила волосы, нацепила приветливую улыбку. Что ж, это был наш выбор – мой и ЕЕ. И нам его теперь жить. И я шагнула из холодного покоя кафеля в гулкий мир голосов и движений магазина, вновь входя в витрину своей жизни.

Мое чудовище

Когда я была маленькой, то, наверное, как и многие другие дети, хотела обладать какими-нибудь суперспособностями или дружить с неким магическим существом, чтобы точно знать, что в сказках есть правда и быть их частью. По мере взросления мне с каждым годом все чаще говорили: «Сказки – это вымысел. Взрослые не верят в сказки», и эта фраза постепенно не просто выгравировалась на моем сознании, но была выжжена своеобразным клеймом довольно грубо поперек моей мечтательной души. Я очень старалась быть хорошей взрослой, такой, знаете, как полагается – серьезной, разумной, рациональной, практично мыслящей. Потому как ну кому хочется выпадать из обоймы? А чтобы быть частью взрослого мира с его четко сформулированным регламентом и чтобы другие взрослые говорили про тебя «она достойная девушка», нужно было соблюдать в целом одно бесхитрое правило – вычеркнуть из своей жизни все фантазии, все волшебство, всю сказку. И я старалась быть достойной девушкой. По крайней мере, до тех пор, пока в мою жизнь не ворвалось существо из мира совсем не практического, а вполне себе магического.

Это был не самый простой период моей жизни – казалось бы, я сама ее сформировала, вот такую свою взрослую жизнь, но почему-то каждый ее аспект вдруг решил начать проверять на прочность не только мой выбор, но и саму меня. Но я же большая девочка, а значит, должна справляться и держать марку. Так я и делала и, лишь приползая домой, пока никто не видел, позволяла себе скинуть этот строгий костюм. Но даже эти краткие перерывы уже не восполняли меня – у было чувство, что я истончаюсь, все больше сливаюсь с серой массой без проблеска воображения и мечты. Вокруг все говорили, что я молодец, многого добила, что у меня прекрасная жизнь, а я отчаянно сражалась в невидимой для других внутренней борьбе за крупинки еще цветной меня.

В довершение всего у меня начались галлюцинации. А как еще это назвал бы взрослый человек? У меня очень хорошо развито периферийное зрение, и это самое периферийное зрение стало все чаще фиксировать некие еле уловимые движения рядом со мной. Это была просто тень, но тень весьма ощутимая, по крайней мере, для меня, причем ее присутствие как будто становилось все более весомым. Первые разы, когда ее замечала, я даже вздрагивала и поворачивалась, но там никого не оказывалось, и в такие моменты чувствуешь себя, если честно, глупо. Затем, когда я поняла, что появления тени носят если не систематический, то регулярный характер, стала просто их отмечать про себя. Так прошло какое-то время, и я уже почти привыкла к чувству, что вокруг меня регулярно танцуют тени, когда к визуальным эффектам добавились и звуковые: легкая поступь, шорох словно кто-то резко взмахнул лоскутом плотной ткани, легкое шипение как от воды, попавшей на горячие угли...

Как поступил бы здравомыслящий взрослый человек? Правильно: записался бы к соответствующим специалистам, чтобы проверить зрение и слух. Что я и сделала, правда, решив не упоминать о причинах моего внезапного и внеурочного интереса к своему здоровью, ведь жалоб как таковых озвучено мною не было. Обследование выявило очевидное: со мной все было в порядке. Это одновременно радовало и тревожило: я здорова – это плюс, галлюцинации все еще присутствовали в моей жизни и природа их не ясна – это минус. Версию поехавшей кукушки после тестов и бесед опроверг психолог, и я испытала некоторое облегчение услышав вердикт: «вероятнее всего, переутомление». Такой себе, конечно, диагноз для человека, у которого отпуск еще очень не скоро, но ладно. И вот я сидела с ворохом выписок от разных врачей о том, что я здорова, и продолжала отмечать некое присутствие рядом с собой. Полтергейст? Но почему тогда он не проявляется еще каким-нибудь способом? И почему это воспринимаю только я – да-да, тень не стесняется заявлять о себе даже когда у меня гости, вот только они ничего не видят и не слышат.

Я исчерпала почти все способы и методы взрослого мира для рационального анализа ситуации. И, казалось, существо именно этого ждало – момента, когда мое сознание, наконец, сможет отодрать от себя часть клейма про взаимоотношения взрослых со сказками и взглянуть на жизнь под новым углом.

Это был очередной измощающий будний день, который подошел к концу, и я стояла в некоем ступоре на кухне, уставившись на включенный чайник, как будто от моего взгляда он мог закипеть быстрее. Я знала, что тень где-то рядом, но на этот раз что-то было по-другому – мне казалось, что ее присутствие в комнате было более реальным, чем мое собственное. Внезапно мне в спину ударила легкая волна горячего воздуха, окатив зону между лопатками и взъерошив волосы на затылке. Я замерла. Умом взрослого человека я понимала, что а) я в квартире одна, входная дверь надежно заперта, б) все электроприборы, имеющие способность хоть сколько-нибудь нагреть и выдохнуть воздух были передо мной или, как минимум, в радиусе моего зрения. За моей спиной стоял лишь небольшой обеденный столик со стульями, который никак не мог изрыгать струи горячего воздуха. И, тем не менее, я все явственнее чувствовала чье-то, нет, не обжигающее, а на удивление приятное теплое дыхание на своей спине. И еще нечто странное, нет, не незнакомое, но забытое – внутри меня будто что-то пробудилось и затрепетало от радостного предвкушения. Казалось, что душой я давно чего-то ждала и жаждала, но разум всячески этому противился.

Я сделала глубокий вдох и, как будто с разбегу прыгнув в холодную воду после размокших солнечных ванн, резко повернулась. Хорошо, что за спиной у меня был кухонный гарнитур, и у меня была вся длина столешницы, чтобы за нее ухватиться. Я не знаю, что именно я ожидала увидеть – наверное, ничего конкретного, потому что, думаю, что любой вариант меня бы поразил. В конце концов, у взрослого человека на кухне вечером после рабочего дня не должно быть ничего помимо, не знаю, ужина, бокала вина, сериала по телевизору. А у меня на столе стоял маленький дракон. ДРАКОН! НА МОЕЙ КУХНЕ!

Так мы стояли и таращились друг на друга. Не знаю, что с его драконьей точки зрения увидел он, а я с любопытством и, надо сказать, восхищением рассматривала его: черная чешуя с чуть посеребренными краями, отливающая все цветами радуги при попадании на нее прямого света, и внимательные и умные аметистовые глаза. Наверное, прошло немало времени, потому что мой залитый кипятком чай успел не просто завариться, но и остыть. Медленно я отвернулась от дракона, вновь включила чайник, вылила содержимое своей кружки и заварила свежую порцию. Потом вновь взглянула на стол. Чего его я боялась больше: что дракон все еще там или что он исчез? Но он по-прежнему стоял на столе и следил за каждым моим движением. Что ж, подумала я, раз он не напал на меня до сих пор, то, видимо, его цель не в этом, и, набравшись смелости, прошла мимо него к двери. Я медленно с максимально возможной с учетом обстоятельств уверенностью двигалась в сторону дивана в гостиной. Каково же было мое удивление, когда я сперва услышала шелест крыльев, а затем увидела как мой не стандартный гость влетел следом за мной в гостиную и расположился на сиденье чуть поодаль от меня. У меня складывалось впечатление, что он очень хорошо знал мою рутину, и проделывал этот маршрут со мной уже не в первый раз, потому как практически сразу улегся, накрыв лапы длинным шипастым хвостом и уложив на самый его кончик чуть вытянутой треугольной мордочки.

Так мы и зажили с моим новым соседом, хотя насколько он был новым, мне трудно было судить – вполне возможно, что он уже давно обитал в моем доме, просто я его не видела или он мне не показывался. И во мне будто зажглась искорка – давно казалось погасшая звездочка чего-то из детства, чего-то сказочного и волшебного. Я спешила домой, потому что там был он – мой дракон. И со временем мне стало жаль, что он не может быть со мной везде, потому что когда он был рядом, мне было так хорошо, спокойно и тепло. Но моя взрослая жизнь вновь решила сделать крутой поворот.

Очередной будний день. Я вышла из дома, когда внезапно надо мной пронеслась с громким шорохом огромная тень. Я подняла голову, огляделась, но никого не увидела. В тот же миг тень вновь промчалась по небу и черной тучей села на дорожке прямо передо мной. А прохожие все шли мимо, и никому и в голову не могло прийти, что прямо посреди тротуара в весьма оживленном спальном районе нашего города сидит громадный дракон. «Еще один?», - только успела подумать я, как начала замечать нечто знакомое. Это был мой домашний дракон с теми же черно-радужными переливами на чешуе и фиолетовыми глазами, только гораздо больше. Он летел надо мной всю дорогу до остановки, затем весь путь до работы над автобусом, в котором я ехала, а потом расположился на крыше моего офисного здания, периодически делая облет вокруг моего этажа. И только я видела его, только я знала, что там, в мире есть дракон, который каким-то необъяснимым образом связан со мной.

Теперь он был со мной всегда, причем со временем мы стали менять его способы перемещения. Поразительным для меня оставалось то, как он умудрялся подстраивать свои размеры под разные случаи. Он по-прежнему любил развернуть свои гигантские крылья и лететь над ничего не подозревающим городом, а иногда становился размером меньше кошки и садился мне на плечо, держась своими когтистыми лапками за куртку, или же уменьшался до размера брелка и дремал, свернувшись калачиком у меня в кармане.

Но самое интересное было то, как стала меняться я. Далеко не сразу я это осознала, но постепенно стала все чаще замечать, что люди, особенно, те, общение с которыми давалось мне труднее всего или несло в себе наибольший стресс и прочие неприятные впечатления, стали по-другому вести себя со мной. Там, где раньше было пренебрежение и грубость, появились уважение и вежливость. Какое-то время я списывала такую перемену на них самих, мол, что-то у них в жизни переменялось. Пока, наконец, до меня не дошло – причина этих улучшений кроется в появлении дракона. Каким-то невероятным образом его присутствие в моей жизни изменило меня – нет, не внешне, но внутренне, будто вместе с ним перенастраивалась на более мощный диапазон энергия моя и вокруг меня. Я поймала себя на мысли, что в мгновения, когда мне сложно и тяжело, он тут же возникал рядом, и я чувствовала, как он грозно расправляет крылья за моей спиной, готовый выдохнуть порцию огня на всякого, кто меня обидит. А порой он, наоборот, забирал часть пламени моих эмоций, чтобы помочь мне направить его в нужный момент на правильном направлении. Он мог укрыть меня своими крыльями ненадолго, и я чувствовала себя в полной безопасности – этих минут мне вполне хватало, чтобы взбодриться и вернуться в строй.

Он стал моей опорой, моей силой, моей защитой. Я теперь была не просто «маленькая я», пытающаяся зацепиться хоть за какое-то местечко в этом большом взрослом мире, я была вне правил этого взрослого мира, я была с драконом. И не передать словами то чувство свободы, силы и спокойствия, которое дарило мне его присутствие. Уж не знаю, был ли он со мной всегда. Быть может, задавленный взрослыми установками, он ждал часа, когда сможет пробудиться сам и стряхнуть этот паралич с меня. Но знаю одно: именно с ним, с моим волшебным, совершенно не имеющим ничего общего с реальным миром, драконом, я оказалась наиболее готовой к взрослой жизни, потому что знала, что у меня есть крылья, на которые можно опереться. Я обрела своего дракона.

И вот я смотрю на, как я зову его ласково, мое чудовище, а он, как кот на солнышке, довольно жмурит свои драгоценные глазки в ответ.